

Р
УССКИЕ В ГРУЗИИ

**ЕЛЕНА ПИРУМОВА-СМИРАНИНА
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

БЛАГОРОДНЫЙ РОМАНТИК

АНАТОЛИЙ СМИРАНИН

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

ЕЛЕНА ПИРУМОВА-СМИРАНИНА
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ

БЛАГОРОДНЫЙ РОМАНТИК

АНАТОЛИЙ СМИРАНИН

Тбилиси
2020

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку — в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье — «Грузины», ныне — Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой — в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские — опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» — первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия стала настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель —

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

Руководитель проекта —

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

При поддержке фонда **«Русский мир»**

© **Русский клуб. 2020**

ISBN 978-9941-8-2078-6

Гостиная в московской квартире Смираниных

ПРОЛОГ

Более ста лет три поколения рода Смираниных служат Театру. Основатель актерской династии Анатолий Дмитриевич Смиранин начал свою карьеру в 10-е годы XX века. Поклонники не пропускали ни одного его спектакля. На его репетиции сбегались актеры. Его манеру игры сравнивали с лепкой Родена – мощной, изысканной и разноплановой. Он обладал неподражаемой манерой делать интонационные акценты, выделяя ключевое слово. Он был интеллектуалом. Обладал магией держать зал в напряжении. Он был лидером труппы Грибоедовского театра в течение сорока лет. Сыгранные им

роли классического репертуара, в частности, «Тартюф» Мольера, признаны эталонными. Им восхищались Таиров, Мейерхольд, Завадский, Товстоногов. Он снимался в лентах немого кино на одних площадках с Иваном Мозжухиным и Верой Холодной. Он – живой классик, находящийся от нас на расстоянии одного рукопожатия. Представитель дореволюционной, чеховской по духу русской интеллигенции, Смиранин-старший был приглашен в Тбилиси уже известным и сложившимся мастером, имевшим за плечами огромный жизненный и творческий опыт. Отраднo осознать, что Грузия стала

для него родной и близкой страной, в культурную среду которой он органически вписался. В Тбилиси родился и вырос продолжатель рода – актер Анатолий Анатольевич Смиранин. Представитель третьего поколения династии Анатолий третий – популярный российский актер театра и кино. Тем не менее, и сегодня семья Смираниных кровно связана с Тбилиси. Гостиная в московской квартире Анатолия второго напоминает театральные музеи, в котором явно звучат грузинские мотивы. На стенах портреты актеров Грибоедовского театра отца – Анатолия Дмитриевича Смиранина, народного артиста ГССР и матери – Елены Сергеевны Пирумовой-Смираниной, заслуженной артистки ГССР. Один из крупных портретов – Смиранин в образе персонажа в киноэпопее «Георгий Саакадзе». На видном месте – бюст Анатолия Дмитриевича, созданный скульптором Отаром Парулава в 1957 году. В доме хранятся афиши, программки, рецензии, памятные сувениры, письма, адресованные Анатолию Дмитриевичу. Анатолий второй стал хранителем семейного архива после кончины Елены Сергеевны. Ее заслуга, что не пропал ни один листок из бумаг Смиранина-старшего. Анатолий Дмитриевич был прекрасным рассказчиком, был знаком и работал с выдающимися людьми, многое испытал и осмыслил в профессии режиссера и актера. Елена Сергеевна неоднократно просила его начать писать воспоминания. Но

Смиранин отказывался. Ему казалось, что засесть за мемуары – означает начать подводить итоги, а ему хотелось жить и работать. Неправильное несчастье случилось внезапно. После смерти супруга Елена Сергеевна считала своим долгом привести в порядок его разрозненные воспоминания. Понимая весь масштаб личности Анатолия Дмитриевича, она в течение многих лет старательно записывала его устные рассказы, а затем собрала их в одну толстую тетрадь. Увы, последние годы ее жизни совпали с трудным периодом, когда о публикации книги не могло быть и речи. Елены Сергеевны нет уже семнадцать лет. Анатолий Анатольевич нашел ее тетрадь и набрал текст на компьютере. Получилась повесть о жизни большого актера на фоне исторических событий, представляющая большую ценность и интерес для широкого круга читателей. Много лет записи пролежали в ожидании своего часа. Возможность опубликовать мемуары Е.С. Пирумовой-Смираниной появилась благодаря проекту Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», задумавшего издать книгу о А.Д. Смиранине в канун 175-летия Грибоедовского театра. «Русский клуб» благодарит Анатолия Анатольевича Смиранина за предоставленные материалы из семейного архива, а также интервью о себе и о творчестве Смиранина-третьего, вошедшие в данное издание.

Одесса. Начало XX века

ЕЛЕНА ПИРУМОВА-СМИРАНИНА

АКТ ПЕРВЫЙ

ПОД ПАРУСОМ ПАМЯТИ

Анатолий Дмитриевич Смирнин родился в сочельник 24 декабря 1892 года (по новому стилю 6 января 1893 г.) в городе Одессе – в семье потомственного моряка. Отец его – Дмитрий Иванович служил в «Русском обществе пароходства и торговли», или сокращенно в «РОПиТе» сначала штурманом, а затем капитаном дальнего плавания. Мать – Евдокия Степановна (Стефановна) – черногорка, импульсивная и своенравная,

была деятельной и артистичной натурой. Чтобы дать выход своей энергии, она сплошь и рядом затевала поездки на новые квартиры. И, бывало, возвращаясь в Одессу после долгого отсутствия, капитан был вынужден выяснять, по какому адресу на этот раз живет его семья.

Дед со стороны матери – Стефан Маслич, как запомнил его Анатолий Дмитриевич, был седовласым и статным красавцем с ор-

Дмитрий Иванович Смирнин

линым профилем. В Россию Маслич перебрались из Черногории, спасаясь от турок. Занимался дед лошадьми, содержал конюшню с отборными скакунами. Перед посещением Одессы императором Александром III, к Масличу обратились с просьбой предоставить коней для царского кортежа. Тот ответил, что в конюхи к царю не назначался, и отказал. После перенесенного инсульта он чуть волочил ногу, что, впрочем, не мешало ему, прогуливаясь по улицам и бульварам Одессы в накидке и в шляпе «a la Гарибальди», лихо подкручивая ус, подмигивать проходившим мимо красавицам.

Воспоминания о бабушке связаны были у Анатолия Дмитриевича с днями поста: внуков, прихо-

дящих к ней в гости, она угощала халвой, орехами и кофе. Ароматы халвы, молотого кофе в сознании Анатолия Дмитриевича остались «запахами детства». Так же, как и необычные запахи южных экзотических фруктов на праздничных обедах в день возвращения отца из дальних странствий. Чаще всего это был померанцевый аромат, наполнявший дом, когда матросы вносили ящики с апельсинами, и сбрасывали их в угол комнаты, где мгновенно выростала солнечная «апельсиновая горка». Дом оглашался смехом детей, голосами родни. Приходили тетушки – сестры матери, обе жили в Одессе.

Евдокия Степановна

Одна была замужем за банкиром – греком Зервуди, а другая – за владельцем мельницы – немцем Рихтером. Родной брат отца, военный моряк, погиб при обороне Порт-Артура. А двоюродный брат, капитан Северин уже в советское время был направлен в Англию для закупки пассажирских судов, плававших долгие годы под названиями «Крым» и «Грузия».

В семье Смираниных, кроме старшего сына Анатолия, было три дочери: Вера, которая была на два года младше брата и обожала его всю свою жизнь с раннего детства до самой своей смерти в Италии в 1974 году. Вторая сестра Марина – была на два года младше Веры, но заболела тяжелой формой дифтерии, скончалась в детские годы. Родители, каждый по-своему, очень тяжело переживали свое горе. Боль притупилась с появлением на свет Надежды, которая родилась в 1902 году. Наденька, как и Верочка, боготворила брата. Она прожила долгую жизнь и скончалась в Москве в 1978 году.

Рассказывая о детстве, Анатолий Дмитриевич вспоминал, что он был сладкоежкой. «В доме все сладости от меня прятали на верхушке шкафу, что не мешало мне доставать их и оттуда. Однажды в поисках спрятанного на верхушке варенья, вскочил я на диван и чуть не раздавил сестренку, которую запеленатую уложили спать на диване около шкафа», – вспоминал он.

МОРСКАЯ ОДИССЕЯ

Учился Анатолий Смиранин в 5-ой мужской гимназии города Одессы, которую окончил в 1909 году. Но в детские годы Анатолий Смиранин, кроме классического образования, получил и совершенно уникальные навыки, о которых может только мечтать любой мальчик. На летние каникулы отец брал его с собою в плавание. До 12 лет он ночевал вместе с отцом в капитанской каюте. Но как только ему исполнилось 13 лет, был зачислен юнгой в команду. Сын капитана нес службу вместе с матросами, спал вместе с ними в матросском кубрике. На всю жизнь у Анатолия Дмитриевича остались воспоминания об овечьих легендах и мифах портовых городах, в которых ему довелось побывать в юные годы: Александрия, Константинополь, Яффа. Юнга побывал во многих портах Турции, Сирии, Египта, Греции, Италии, Австро-Венгрии. Он видел белые скалы Босфора, лазурные бухты Кипра, Родоса, Хиоса, стены Трои. Он представлял себя то Одиссеем, то Александром Великим. Путешествия давали такую пищу для воображения и фантазий.

Как всякий мальчик, выросший у моря, он плавал с детства, как рыба, но «виртуозно» нырять и плавать Анатолий Дмитриевич научился на

В одесском порту

Средиземном море, когда, не желая отставать от матросов, прыгал за борт корабля. Он натренировался подолгу задерживать дыхание под водой – нырял и проплывал под водой такие расстояния, что заставлял нервничать стоящих на палубе старших товарищей. А когда он выныривал неожиданно далеко, то вызывал громкое восхищение матросов и сердечное одобрение отца.

КСТАТИ. *Во время съемок фильма «Человек-амфибия» А.Д. Смиранин, исполнивший роль старика-индейца, приемного отца красавицы Гуттиэре, на пороге своего семидесятилетия сам, без дублеров, исполнил все сложные подводные сцены. Опускался под воду с зажженным магниевым факелом и обследовал подземный грот, что было очень рискованно.*

В зимнее время капитан Смиранин совершал рейсы в южные широты, возвращаясь после долгого отсутствия, он детям рассказывал о красотах Индонезии, Цейлона,

Сингапура и других островов с романтическими названиями. Анатолий Дмитриевич вспоминал слезы матери, которая однажды приревновала мужа к изящной цейлонке, о которой отец рассказывал с восхищением. В годы юности Анатолий Смиранин в отличие от Константина Паустовского, рисовавшего в своем воображении бабочек с острова Борнео, открывал мир не по книгам, а благодаря собственным странствиям по морям и увлекательным рассказам отца. Слушая истории капитана, он рассматривал экзотические сувениры, вдыхая ароматы плодов и специй из заморских стран.

Учился Анатолий легко: любимым предметом в гимназии была литература. Вечерами заслушивался ноктюрнами Шопена, сонатами Шуберта, которые играла детям мать – Евдокия Степановна была хорошей пианисткой, любимые произведения исполняла с большим вдохновением, вкладывая в них весь артистизм своей натуры. Анатолий

любил музыку и поэзию, увлекался рисованием, но больше всего на свете он любил море. В свободное время подросток с утра до вечера пропадал на лиманах. Во время одного из таких «странствий» он познакомился с мальчишкой, немного младше себя, но с такой же пылкой «морской» душой. Общие интересы их сблизили, и тут выяснили, что оба учатся в одной гимназии. Потом они часто встречались, вместе плавали под парусом, ныряли «до посинения», отогревались на солнце и, лежа на берегу, взахлеб читали стихи, перебивая друг друга. Звали мальчишка Валя – Валентин Катаев, он рассказал о своем детстве в знаменитой повести «Белеет парус одинокий», в которой Анатолий Смиранин находил столько знакомых деталей и интонаций. Спустя много лет, когда один был уже известным актером, а второй – популярным писателем, сестры Вера и Надежда Смиранины не раз уговаривали брата напомнить Катаеву об их общей юности, но ответ был один: «Он сейчас такой знаменитый и может неверно истолковать мое напоминание». Друзья так и не встретились.

КСТАТИ. По воспоминаниям Валентина Катаева, Одесская 5-ая гимназия «считалась далеко не из лучших; она помещалась на бедной Новорыбной улице и частью окон выходила на Куликово поле и на вокзал, и в ней получали образование, главным образом, дети железнодорожников». Тем не менее из стен ее, помимо братьев Катаевых – Валентина и Евгения Петрова, вышли

такие знаменитости как Илья Ильф, Борис Житков, знакомый каждому ребенку по стихотворению «Почта» Маршака. В разные годы учились в гимназии Корней Чуковский, лидер мирового сионизма, писатель – Владимир Жаботинский, именем которого названы улицы чуть ли ни в каждом городе Израиля, и само собой – в Иерусалиме и в Одессе. Еще один выпускник гимназии Сергей Панкеев, юрист, революционер, публицист вошел в историю, благодаря Фрейду. Именно его Фрейд называл «Человеком-волком», описав в книге «Из истории одного детского невроза».

СПАСАТЕЛЬ ТОЛЕЧКА

Шел 1905 год. С каждым месяцем становилось все тревожнее, совсем еще недавно нарядная и веселая Одесса притихла в ожидании неизбежных беспорядков, власти не могли сдерживать накала политической борьбы, подняли головы провокаторы и «черносотенцы», по городу прокатилась волна еврейских погромов. Поскольку капитан Смиранин большую часть года находился в лаваниях, подраставший сын чувствовал себя ответственным за семью, отец поощрял в юноше это стремление. Умение принимать решение и контролировать ситуацию очень пригодились во время

Анатолий Смирнин – гимназист

смутного времени, о котором оставила запись воспоминаний сестра Анатолия Дмитриевича – Вера: «Мы только и говорили о том, что ожидается погром. Папа – в море. Мама с нами, Надя еще совсем малыш. Помню страшное смятение в доме, где мы жили. Многие наши соседи куда-то уехали, но таких было мало. Большинство соседей, которым и бежать было некуда, укрылись у нас в квартире. Наступили сумерки, и издали стали слышны шум и крики. Совсем стемнело, шум толпы стал еще громче, опасность была все ближе и ближе. На балкон, освещенный с обеих сторон лампами, вышла наша мама, держа в руках большую икону в серебряном окладе. Мама показывала, что в квартире живут русские, православные. Голос ее громкий, с большим нервным подъемом, был обращен к толпе: «Я одна с детьми, мой муж – моряк. Отец детей в плавании. Здесь только русские!». Все выглядело

очень впечатляюще. Погромщики не рискнули ворваться в дом. Толпа прошла мимо. Выносом иконы, освещением на балконе руководил Толечка. Он же подсказывал маме, что кричать озверевшей толпе. Он не терял самообладания, а за нашими спинами замерли в страхе около сорока человек – наших соседей-евреев. Брат был на страже у ворот дома до тех пор, пока в городе не утихло. На другой день соседи ему говорили: «Вы наш спаситель!». «Нет – спасатель», – отвечал смеясь Толечка».

НА РОДИНЕ ЧЕХОВА

В январе 1909 года Дмитрий Иванович Смирнин получает назначение на должность начальника торговых судов Азовского пароходства, и семья вслед за ним переезжает в город Таганрог. В Одессе у дедушки оставляют только Анатолия – оканчивать гимназию. Получив аттестат, он приезжает к родителям. Свободного времени в Таганроге у него было много, а единственным развлечением был театр, в котором Анатолий становится постоянным зрителем. Театр-антреприза госпожи Н.К. Шатлен в те годы стал своеобразным центром для местной интеллигенции, особенно для молодежи. В течение шести сезонов под руководством

Нелли Шатлен ставились различные постановки, кроме того, она долгие годы собирала различную театральную литературу, репертуарные сборники, собрания драматических произведений и другую театральную литературу. Эта коллекция в 20-е годы была передана в таганрогскую городскую библиотеку имени Чехова.

В клубе госпожи Шатлен Анатолий Смиранин приобщился к театру и впервые вышел на сцену в качестве статиста, а затем и артиста. В сезон 1910-1911 годов он получает уже приглашение в труппу театра на оклад. Так решилось его будущее: с 1910 года Театр стал его судьбой на всю жизнь!

Наблюдая, как сына захватывает увлечение театром, капитан испытывал чувства досады и огромного разочарования. Он был уверен, что его наследник примет «морскую

После дебюта в Таганроге

эстафету» рода. Однако победили творческие гены матери – ее врожденный артистизм, эмоциональность, любовь к искусству. Дмитрий Иванович ничего не имел против любительского увлечения сценой, но никак не мог смириться с тем, что сын станет «комедиантом», и настоятельно рекомендует Анатолию поступать на юридический факультет Одесского университета, чтобы получить серьезную профессию. Согласившись с доводами отца, Анатолий вынужден был уехать из Таганрога и поступить на юридический факультет в Одессе. Возможно, его сговорчивость была связана с неприятным инцидентом, который во многом изменил привычный уклад жизни семьи Смираниных. Дело состояло в том, что Анатолий подружился в театре с актером Иваном Платоновым, героем-любовником труппы, эффектным молодым красавцем, и привел его в дом. А сестра Вера, которой тогда еще не было и семнадцати лет, влюбилась и тайно с актером сбежала. Скандал был страшный, Анатолий бросился на поиски беглецов. С реквизитным револьвером в руках он обыскал весь город, кричал, что убьет негодяя. Не следует забывать, что оскорбленному брату едва минуло восемнадцать лет! Но погоня оказалась тщетной, влюбленные уехали из Таганрога в «неизвестном направлении». Этот поступок круто изменил жизнь Веры. Она надолго покинула родительский кров, стала актрисой и, разделяя с мужем судьбу провин-

циальных гастролеров, объездила пол-России. В 1915 году у нее родилась дочь Вероника. Но даже ребенок не спас уже угасавший брак, который вскоре распался. Но и после расставания с мужем Вера не решила вернуться к родителям. Жертвой она себя отнюдь не считала. Верила, что сможет самостоятельно поставить на ноги дочку, и во второй раз круто изменила свою жизнь. Со сценой было покончено, Верочка поступила на зубоучебные курсы. Завершив учебу, она работала стоматологом, а в родительский дом вернулась уже после войн, революций и смерти отца, в начале 20-х годов.

PRO ET CONTRA

Окунувшись в студенческую жизнь, Анатолий Дмитриевич принялся изучать правоведение, фантазии рисовали ему пылкие речи в суде, юридические казусы, эффективные системы доказательств, восхищенный рокот зала в ответ на остроумные реплики, непроницаемые лица присяжных. Воображаемые судебные процессы напоминали театр, но все-таки никак не могли заменить сцену, и молодой человек принимает соломоново решение – слушать лекции в университете и посещать актерские курсы. Он совмещает занятия на юридическом факультете и в «Школе сценического искусства» под руководством

Ольги Владимировны Рахмановой, бывшей актрисы МХАТа, успешной звезды немого кино. По разным причинам занятия в школе киноидеи его не удовлетворяют. Анатолий мечется: университет, школа сценического искусства, наконец, работа на только зарождающейся в Одессе кинофабрике Гроссмана. Впоследствии Анатолий Дмитриевич вспоминал, что на кинофабрике он обратил внимание на девушку с бледным красивым лицом и большими глазами, приходящую всегда в сопровождении двух женщин – матери и тети. Говорили, что у нее большие легкие. Фамилия ее была Левченко, а в дальнейшем она вышла замуж за юриста и автогонщика Холодного. Под этой новой фамилией она вошла в историю кино – Вера Холодная стала символом русского кинематографа – звездой немого экрана.

КСТАТИ. *Первая Одесская киностудия появилась благодаря энтузиасту-фотографу М.О. Гроссману, обучавшемуся операторскому мастерству в Париже в Люмьеровской школе. Накопив средства, в 1912 году Мирон Гроссман открыл в Одессе кинопавильон на даче своего брата, где оборудовал лабораторию, монтажную, зал для просмотров. Так появилась одесская кинофабрика «Мирограф», на месте которой и сейчас расположены здания Одесской киностудии. За два года с 1912 по 1914 на студии было снято несколько успешных игровых лент, в частности, произвела фурор картина «Одесские катакомбы».*

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ АНГАЖЕМЕНТЫ

В родную Одессу, знакомую до мелочей, Анатолий Смиранин приезжает наездами – он уже настолько «болен» театром, что без раздумий оставляет любимый город ради возможности играть на сцене – принимает предложение знакомого по Таганрогскому театру режиссера Легарова, который зовет его в Чернигов артистом «с положением». В труппе Легарова работали известные в провинции артисты: Михаил Нароков (настоящая фамилия Якубов) театральный актер и режиссер, Наум Соколов, Софья Чарусская и другие крепкие профессионалы. Видимо, молодой артист произвел впечатление и не затерялся на их фоне, поскольку в сезон 1912-1913 годов Анатолий Дмитриевич получает приглашение из Пензы, от баронессы фон дер Лауниц, антреприза которой пользовалась большим успехом и считалась одной из лучших в России. На следующий сезон Смиранин сотрудничает с антрепризой Вронского, гастролирует по разным городам Урала. Летом 1914 года его вновь приглашают в Пензу в «Театр и сад им. Белинского», где он работает вместе с такими выдающимися русскими актерами, как Любимов-Ланской, Лидин, Строганов, Борис Пясецкий и другими кумирами публики.

Началась война 1914 года. Сми-

ранин не мог оставаться в стороне. Он пошел добровольцем в действующую армию. После ранения в голову его направили в пензенский госпиталь. Фронтное ранение навсегда оставило шрам на лбу. Спустя полвека, уже в семидесятых годах, было получено из музея города Пензы письмо: «Театральная Пенза помнит А.Д. Смиранина и просит прислать любые материалы: афиши, программы и т.п.». К сожалению, в годы сталинских репрессий, когда пребывание в «царской армии», да еще добровольцем «не поощрялось», Анатолий Дмитриевич уничтожил все документы, связанные с Пензой, дабы «не навели» на пребывание в госпитале.

После выздоровления, на летний сезон 1915 года, он подписал кон-

В годы Первой мировой войны

тракт в крупнейшую по тем временам антрепризу П.П. Струйского в Уфе. На зимний сезон 1915-1916 гг. приходит приглашение в антрепризу Зарайского в город Ростов-на-Дону. Год от года ширилась его популярность на огромных просторах России.

КСТАТИ. *О масштабе личности Петра Петровича Струйского свидетельствует такой факт: с 1914 года он держал антрепризу в построенном им же Замоскворецком театре (впоследствии – Театр Ленсовета; сейчас – филиал Малого театра). После 1917 года он был режиссером в Одесском русском театре и Замоскворецком театре. В провинции работали выдающиеся театральные деятели, но среди старых антрепренеров часто попадались и*

В антрепризе Петра Струйского

такие, кто цинично говорил: «Буфет дает больше выгоды, чем театр. Выгоднее держать театр при буфете. А не буфет при театре». При таком подходе стоило «меценату» внести некую сумму в театральную кассу и почувствуй себя хозяином положения. Сплошь и рядом подгулявшие кутилы вламывались в зал после третьего звонка. В антрепризе уровня Струйского такие вольности были недопустимы. Он был требователен к актерам и воспитывал зрителя.

«СТРЕКОЧЕТ ЛЕНТА, СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ»

В 1916 году Анатолий Дмитриевич получает приглашение в Москву – штатным артистом на кинофабрику «Ханжонков и К^о», где тогда работали Иван Мозжухин, Наталья Лисенко, Таланов, Салтыков, Гайдаров, Стрижевский и другие кумиры русского немого кино. Однако из-за затянувшейся войны, поражения на фронтах, грозных признаков надвигающегося хаоса революции, некогда работавшая, как часы, киноиндустрия дает все чаще и чаще сбои.

КСТАТИ. *Александр Алексеевич Ханжонков, совсем недавно всесильный пионер российского кинопроизводства, переживает не только экономические трудности. С 1917 года он прикован к инвалидно-*

му креслу и еле передвигается на костылях. В Москве работать становится невозможным, и он вместе с семьей переезжает в Ялту, где за короткий срок налаживает производство кинопродукции. Но после разгрома армии Врангеля в 1920, Ханжонков, сын казачьего сотника по отцу и московского полковника по материнской линии, эмигрирует в Константинополь. Он пытался работать в Милане и Вене, но безуспешно, и поскольку без кинематографа жизнь для него не имеет смысла, спустя два года возвращается в Москву. В середине 20-х он был арестован, выпущен за отсутствием состава преступления, однако без права работать на государственных кинофабриках. Ханжонков вынужден обосноваться в Ялте, где влачит

нищенское существование. В последние годы жизни он писал воспоминания, частично опубликованные в книге «Первые годы русской кинематографии» (издание 1937). Скончался самый титулованный российский киномагнат в сентябре 1945 года, похоронен в Ялте.

Анатолий Смиранин застаёт в Москве практический развал студии Ханжонкова, его угнетает тяжелая атмосфера в Первопрестольной, забитой ранеными, длинными очередями, с бесконечными разговорами о надвигающемся коллапсе власти. Работа бывает от случая к случаю. Между тем родители, которые к этому времени перебрались в Одессу, пишут сыну письма с просьбами вернуться, настаивая, что «в это беспокойное время надо быть нам вместе».

Иван Мозжухин

Февральская революция и Октябрьский переворот застают Анатолия Дмитриевича в Одессе. Он старается держаться в стороне от политики, начинает работать одновременно в русской драме, которая находилась в здании «Дома польского», и на Одесской кинофабрике. Но все прекращается с приходом австрийцев и при режиме Скоропадского, продержавшегося до февраля 1918 года. Смиранин, чтобы сохранить в Одессе русский театр, забывает старые обиды и идет на мировую с бывшим мужем сестры Веры, – Иваном Платоновым. Вместе они берут в свои руки руководство труппой и создают «Товарищество русской драмы». В августе 1918 года Анатолий Смиранин получает приглашение на ки-

нофабрику «Ермольев и К^о», которая перебазировалась из Москвы в свои крымские павильоны.

В Ялте он вновь встречается с Иваном Мозжухиным, Натальей Лисенко, Владимиром Стрижевским, Николаем Салтыковым, который осенью 1919 года в Одессе организовал кинофабрику «Киножизнь». По воспоминаниям Смиранина, Иван Мозжухин был не просто знаменитостью, он был общим любимцем – талантливый, доброжелательный, внимательный к молодежи, которая его боготворила и между собой нежно называла «Ванечка» – таким он остался в памяти.

Линия фронта была совсем близко. В те годы в Ялте осели представители высшего общества, авантюристы всех мастей, представители западных фирм – настоящих и фальшивых, в том числе агентов европейских кинофабрик, которые занимались вербовкой российских артистов с именами.

В Ялте был создан «доступный» театр, который назывался «Народный дом» и руководил им сначала Полевой, а затем Фома Строганов. Цены на билеты были, действительно, доступные, артисты – великолепные, благодаря чему театр пользовался большим успехом. Свободное от съемок время на площадках студий двух соперников – Ханжонкова и Ермольева – артисты отдавали сцене. В 1918 году Анатолий Смиранин и его друг, яркий артист Ваграм Папазян часто работали на одних фильмах и постановках. Их взаимная симпатия

к друг к другу затем переросла в многолетнюю дружбу, которую они пронесли через всю жизнь, изредка встречаясь, когда пересекались их гастрольные пути. Спустя много лет, когда Смиранин обосновался в Тбилиси, а Папазян приезжал в Грузию на гастроли, Анатолий Дмитриевич обставлял его встречу с большой торжественностью, устраивая в его честь настоящий пир. Это были встречи близких людей, связанных воспоминаниями молодости, они не могли наговориться, вспоминая прошлое. Их рассказы имели большую ценность, остается только пожалеть, что в те годы не было диктофонов. Их воспоминания свидетельствовали о том, насколько котировался русский кинематограф. Предсказывая катастрофу, представители западных фирм скупали российские фильмы, уговаривали артистов ехать на благополучный Запад, обещая им богатство и «всемирный успех». Массовое бегство на запад началось после прихода в Крым красных. Интеллигенция до последнего надеялась на благополучный исход гражданской войны. В числе таких оптимистов был и Мозжухин, который до последнего момента вместе с женой Натальей Лисенко отказывались уезжать на чужбину. Он согласился покинуть родину только после того, как его арестовали и приговорили к расстрелу. Исполнения приговора чудом удалось избежать – один из красных командиров оказался давним поклонником артиста, что и спасло жизнь ему и жене. Прово-

жать Ивана Мозжухина вышла вся Ялта. Он стоял на палубе, пока виден был родной берег, а по щекам его катились слезы – все знали, как он не хотел уезжать.

Сорок лет спустя, в 1961 году, будучи в Севастополе на съемках фильма «Человек-амфибия», Анатолий Дмитриевич встретил бывшего гримера с кинофабрики «Ермолов и К^о», который рассказал ему, что Владимир Стрижевский увез с собой во Францию 15 фильмов, отснятых на киностудии в 1918-1919 годы. Таким образом, Россия лишилась последних фильмов с участием Мозжухина и других выдающихся артистов немого кино. В Ялте Анатолий Дмитриевич снялся в немых фильмах: «Конкурс красоты», «Шарабан мой, шарабан», «Алаверды» и других лентах, которые оказались утерянными в силу обстоятельств. Перед возвращением в Одессу Смиранин снялся еще в одной картине «Жизнь Родине, честь – никому» на кинофабрике «Русь».

Несмотря на огромную популярность кинематографа, на славу, которая обрушивалась на головы кумиров экрана, молодой Смиранин делает безоговорочный выбор в пользу театра. В своей автобиографии Анатолий Дмитриевич писал: «...Творческий итог – полное неудовлетворение от кинематографа, работавшего на темы модных романов и удовлетворение от театра, в котором творческая работа отмечена таким крупным в то время критиком как Сергей Богуславский».

ПОСЛЕДНИЕ ПОЧЕСТИ КАПИТАНУ

Возвращение Смиранина на одесскую сцену в 1920 году связано с постановлением Политсекретариата Морской Обороны. По распоряжению этого ведомства сын капитана Смиранина зачислен сначала артистом, а затем руководителем театра Политсекретариата города Одессы. В ту пору справка государственного учреждения – была и пропуском, и охранной грамотой, и гарантией получения продовольственного пайка. Творческие планы были огромные – после репетиций в театре, вместе с Николаем Салтыковым, товарищем по кинофабрике в Ялте, Смиранин пробует снять свою «фильму». Увлекательный процесс прерывается неожиданно быстро. Кончилась пленка. В то время в Одессе не то что кинопленку, невозможно было достать самое необходимое. Какой была жизнь в этом великолепном городе, написано много книг и воспоминаний: красный террор, налеты бандитов, морковный чай и плохо пропеченный хлеб из отрубей. Быт превратился в сплошное выживание и борьбу с голодом, холодом, инфекциями. Капитан Смиранин, никогда ничем не болевший, скончался в 1921 году в возрасте 56 лет, не пережив всех

бедствий, выпавших на долю города, флота, Отчизны, семьи. Чтобы достойно проводить заслуженного моряка в последний путь, в театре выделили лошадь с телегой, а Анатолий Дмитриевич в театральной мастерской своими руками сколотил гроб для отца.

После похорон у матери случается нервный срыв, переросший в депрессию, ей было необходимо серьезное лечение. Анатолий Дмитриевич, недавно поступивший в государственный театр под руководством Н.Н. Соболевцова-Самарина, которого считал своим первым подлинным учителем, вынужден был подать заявление об уходе и по рекомендации врачей вывезти Евдокию Степановну из промозглой Одессы на юг.

ЛИМОННЫЙ РАЙ, «ЖЕЛЕЗНЫЙ ТЕАТР»

В феврале 1922 года Анатолий Смиранин вместе с матерью и младшей сестрой Наденькой приезжает в Сухуми, где поступает в труппу театра «Совпрофа». Жизнь налаживается: у него есть любимая работа, здоровье Евдокии Степановны пошло на поправку. Анатолий Дмитриевич рассказывал: «Когда вышли по приезде на

Анатолий Смирнин в Батуми. 1920-е гг.

улицы Сухуми, где кругом росли пальмы, банановые деревья, цитрусы, мама от избытка чувств, раскинув руки, закружилась в вальсе». Однако очень скоро оказалось, что не все просто и безмятежно в этом «бананово-лимонном» раю. Конфликт разгорелся после приезда в город на гастроли некой дивы. Как было принято, на афише ее имя пишется «метровыми» буквами. И такими же крупными буквами выписано имя ее мужа, исполнявшего второстепенные роли. Артисты труппы возмущены и требуют заменить афишу, дирекция сопротивляется, и тогда Анатолий Дмитриевич в знак протеста покидает театр и идет работать грузчиком в сухумский порт.

Зарабатывал он там больше, чем на сцене и «подкармливал» многих артистов, приходивших к нему с уговорами вернуться в театр.

Таким образом, не привившись в Сухуми, Смирнин принимает приглашение из Батуми. Он становится актером знаменитого в то время – «Железного театра», получившего необычное название из-за металлических конструкций, из которых и был возведен. Главным режиссером театра числился Берковский. Но фактическим руководителем театра являлся Н. Михайловский (сын народника Н.К. Михайловского). Михайловский пользовался огромным уважением и сумел собрать вокруг себя хороший состав. В частности, в сезоне 23-24 годов в Батуми приехали братья Адельгеймы с пьесой Григория Ге «Казнь». Перед самым началом представления выяснилось, что не могут найти артиста Жоржа Покорского (псевдоним Кикнавелидзе). Узнав, что Смирнин не только играл в этой пьесе, но и ставил ее, обращаются с просьбой заменить Покорского в роли дяди Викентия. И хотя Анатолий Дмитриевич играл в этой пьесе очень давно, он дал согласие. Один из братьев – Роберт быстро объясняет мизансцены, быстро делается необходимый грим, и спектакль начинается вовремя. После окончания спектакля оба брата приходят в гримерную к Смирнину и благодарят его.

КСТАТИ. Роберт и Рафаил Адельгеймы – братья-погодки (1860

Роберт и Рафаил Адельгеймы

и 1861 г.) родились в семье московского врача. Окончили вместе Венскую консерваторию по классу драматического театра, а затем порознь играли в различных театрах Австрии, Германии и Швейцарии. Но после возвращения в Россию уже не расставались, проработав на сцене более 40 лет. В их репертуар входили классические трагедии, братья первыми поставили на русской сцене «Царя Эдипа». Критики писали, что братья работают, как швейцарские часы, подчиняя себя железной дисциплине. Ежедневно отводили время для фехтования, физических упражнений, работали над голосом, повышали свои знания, изучая театральную литературу на русском, немецком, французском и английском языках. До революции выступали на сценах Петербурга и Москвы, а также разработали специальную методику обучения актерскому мастерству, основанную на дыхательных упражнениях. Однако в советское время ценилась и признавалась только школа психологического театра Станиславского, а прочие методики начисто отвергались. Братья подверглись критике и вы-

нуждены были гастролировать по провинции. Тем не менее им обоим были присвоены звания народных артистов РСФСР. Роберт Львович скончался в Москве, попав под автобус, в декабре 1934 г. В апреле 1938 года Рафаил Львович отметил в ЦДРИ 50-летие своей актерской деятельности, и в том же году скончался от сердечного приступа.

Театральный сезон в Батуми оказался очень удачным для Смиранина. После большого успеха в репертуарных спектаклях был назначен его бенефис. И Анатолий Дмитриевич выбирает для него нашумевшую пьесу Л. Андреева «Анатэма», которую в течение последнего десятилетия ставили практически все выдающиеся режиссеры Российской империи: Мейерхольд, Станиславский, Немирович-Данченко, Комиссаржевский, Таиров, Марджанов (Марджанишвили), Санин, Сахновский, Евтихий Карпов. Следом за ними Смиранин выступает режиссером спектакля и исполняет заглавную роль. Роберт и Рафаил Адельгеймы присутствовали на бенефисе. А после спектакля оба брата зашли в гримерную – поздравить молодого коллегу с успехом. В том же сезоне в «Железном театре» Анатолий Дмитриевич играл в одном спектакле с великим артистом Малого театра А.И. Сумбатовым-Южным, который гастролировал по Югу с ролью Шейлока. На гастроли в Грузию приехал и Ваграм Папазян – это была первая встреча друзей после разлуки в Ялте. При-

мечательно, что Папазян играл в Батуми на азербайджанском языке в постановке «Аршин мал алан».

В Батуми произошла еще одна запоминающаяся встреча – с известным артистом и режиссером Б.С. Глаголиным, который пригласил Смиранина на совместные летние гастроли в Краснодаре. Анатолий Дмитриевич считал Глаголина своим вторым учителем, поэтому воспринял его предложение как дар судьбы.

КСТАТИ. Борис Сергеевич Глаголин, артист и режиссер-новатор, драматург, один из первых кинематографистов России, теоретик театра, критик, режиссер, драматург. Родился в Саратове в 1879 году, скончался в Голливуде в 1948 году. Отцом режиссера был талантливый сатирик «щедринской» традиции, известный российскому читателю

Портрет Бориса Глаголина

под псевдонимами Слово-Глаголь, Nota bene и др. Эпатажная манера актера Глаголина отложила отпечаток на целое поколение российских мастеров сцены. Пьесы, в которых играл кумир публики, постоянно становились «гвоздем сезона». Михаил Чехов признавался, что невольно стал подражать Глаголину, увидев того в роли Хлестакова, настолько велико было воздействие «необыкновенной свободы и оригинальности», исходивших от этого актера. В марте 1914 года режиссер организовал товарищество «Русская лента», выпускавшее кинопродукцию до 1918 года. После революции Глаголин гастролировал по югу России, Грузии, надолго задержался на Украине, где с большим размахом реализовал свои новаторские театральные замыслы. В 1923-1924 годах он работает в Москве в Театре Революции и в Замоскворецком театре. В 1927 году режиссера отправляют на театральную выставку в Германию. Оттуда он выехал в США «для повышения творческой квалификации». Глаголин ставит в Нью-Йорке спектакли на русском языке, преподает курс драматического искусства в Технологическом институте Карнеги. Но через год попадает в тюрьму, его арестовывают за нарушение визового режима. После освобождения под залог он безуспешно пытался утвердиться в американском театре и кино. Его театральные эксперименты вызвали раздражение критики, в кино удавалось изредка сниматься в эпизодах. Он был вынужден зара-

батывать деньги вышивкой на бархате. Вспомнили о выдающемся режиссере и актере только в конце XX века. Среди учеников Б. Глаголина в США самой заметной фигурой стал Юджин Лоринг (1911-1982), балетмейстер, работавший вместе с Джорджем Баланчиным и Михаилом Фокиным. Один из основателей американской школы балета Ю. Лоринг утверждал, что сочетать стиль и экспрессивную драматургию танца его обучил Борис Глаголин.

Анатолий Смиранин вспоминал, что Глаголин был не только талантливым и высокообразованным человеком, но и весьма своеобразным. Общение с ним было необыкновенно интересным. Както раз непредсказуемый Глаголин предложил Смиранину совершить большую прогулку: пройтись пешком вдоль берега моря от Батуми до Сухуми. И они пошли. И лишь потом Анатолий Дмитриевич понял цель этой авантюры. Идут по дороге. И тут им навстречу едет экипаж. Глаголин словно этого и ждал. Он мгновенно срывает с головы шляпу, сгибается в шутовском поклоне почти вдвое, откинув руку со шляпой в сторону. Оказалось, что в экипаже – его бывшая жена, сбжавшая от него к романтическому герою – Давитову. Под этой фамилией играл на сцене ставший впоследствии народным артистом Грузии Георгий Михайлович Давиташвили. Глаголин, преградив путь фаэтону, долго продолжал истово отвешивать поклоны то ли седокам, то ли лошадям.

САРАТОВСКИЕ МОТИВЫ

Творческие маршруты зимних и летних сезонов Смиранина за период с 1923 по 26 год, могут лечь в основу исследований о русской провинциальной антрепризе первых лет советской власти. Как уже говорилось выше, Анатолий Дмитриевич работал только с талантливыми театральными деятелями, каждый из которых оставил заметный след в истории российского театра. Например, зимний сезон 1923-1924 гг. он работает в Краснодаре в антрепризе Лохвицкого. На летние гастроли его приглашает Лина Самборская, с ее труппой он объехал ряд городов юга России. Зимний сезон 1924-1925 гг. пришелся на Саратов, где Смиранин работал совместно со Слоновым и его дочерью, дружбу с этой семьей он сохранил на долгие годы.

КСТАТИ. *Биографии любимцев провинциальной публики порой представляют собой истории, не уступающие по драматизму пьесам Островского. Примером тому может служить семейная драма Ивана Слонова. Он прославился исполнением русского классического репертуара. Созданные им образы Чацкого, Незнамова, Карандышева, Мелузова («Таланты и поклонники»), Васьки Пепла («На дне») и особенно Нила («Мещане») восторженно вос-*

Анатолий Смирнин. Вторая половина 1920-х гг.

принимались зрителями, особенно передовой либеральной молодежью. Аншлаги, бенефисы, хвалебные рецензии заполняли его жизнь, в бесконечной смене городов и декораций он потерял из виду собственную дочь Надежду. Девочку с полугодовалого возраста взяли на воспитание родители жены Слонова – актрисы Евгении Николаевны Козляниновой, которая при трагических обстоятельствах скончалась в 1906 году. Козляниновы были театральными людьми – дед маленькой Нади работал суфлером, бабушка играла на сцене. Неудивительно, что дебют Нади состоялся в четыре года. На афишах она значилась: «малолетняя артистка Надя Козлянинова» и с гастрольными турами объездила многие города России до того, как попа-

ла в Москву. В 1913 году Ф.А. Корш пригласил юную актрису на роль Генриха в пьесе Якова Гордина «За океаном». После чего она была зачислена в московскую труппу и с 1913 по 1917 год играла в театре Корша детские роли, а также снималась в немом кино. В 1917 году девочка поступила учиться в Московскую школу им. А.Н. Радищева, в которой преподавали сценическое искусство актеры Камерного театра, лекции читал основатель театра А.Я. Таиров, а его супруга, актриса Алиса Коонен обучала импровизации. После смерти деда четырнадцатилетняя Надя написала письмо отцу. Иван Артемьевич тут же пригласил дочь в Саратов. Наконец, на афишах появились рядом две фамилии Слоновых – отца и дочери. В 1933 году имя И.А. Слонова было присвоено Саратовскому театральному училищу, а в 2003 году Саратовскому театру драмы. Надежда Ивановна Слонова, народная артистка РСФСР, работала в разных театрах, в том числе, в театре Сатиры, окончила театроведческий факультет ГИТИСа и занялась преподавательской работой в Государственном училище циркового и эстрадного искусства. Среди ее знаменитых учеников Геннадий Хазанов, который постоянно упоминает Наталью Ивановну в своих интервью, Илья Олейников, Елена Камбурова. Н.И. Слонова – автор нескольких книг и пьес для эстрадного исполнения.

В начале 20-х годов при саратовском театре действовала студия, которую организовал недоучив-

шийся студент-медик и «военврач»-красноармеец Абрам Роом. По принятой в революционную пору манере Роом громко именовался «основателем и ректором Высших государственных мастерских театрального искусства» (ВГМТИ, впоследствии Саратовский театральный институт). Однако столь высокопарно названная должность не помешала будущему лауреату Сталинских премий при первой возможности бросить своих учеников и уехать в Москву. После его отъезда преподавать в студии предложили Смиранину. Осталась групповая фотография выпуска этой студии. На обратной стороне надпись: «Нашему уважаемому преподавателю, так хорошо умеющему зажечь в ученике искру творчества; культурному актеру и милому человеку А.Д. Смиранину

Надежда Слонова

от группы учеников на добрую память. Саратов 21 апреля 1925 года». Кроме общей надписи, имеются и отдельные, например, такая эмоциональная посылка: «Воля! Вера! Творческая фантазия! Круг сценического внимания. Буду помнить всегда! Евг. Богданов».

В Саратове в день своего бенефиса Смиранин поставил и сам сыграл главную роль в экспрессионистской пьесе «Эуген несчастный» немецкого драматурга антифашиста Эрнста Толлера. Герой пьесы, ставший инвалидом на войне, кончает жизнь самоубийством. Это был памятный бенефис, поскольку оказался последним, в следующем году бенефисы были запрещены.

ПОЕДИНОК СОПЕРНИЦ

Сезон 1925-1926 гг. Смиранин провел в антрепризе Бауэр в Ростове-на-Дону. Все шло в тот сезон как обычно, до того момента пока не пришло приглашение на гастроли в Тбилиси, Баку и другие города Закавказья, поступившее от вернувшейся в 1926 году из Франции замечательной актрисы Варвары Владимировны Алексеевой-Месхиевой. Конечно, Смиранин согласился и не пожалел: театральная жизнь в Тбилиси была ключом! Помимо местных театров, публика с большим воодушевлением при-

нимала гастролеров: в городе одновременно выступали обворожительная Варвара Алексеева-Месхиева и не менее очаровательная Елена Александровна Полевицкая.

КСТАТИ. В молодости Елена Полевицкая играла у Веры Комиссаржевской в Петербурге, блистала в антрепризе знаменитого Николая Синельникова в Киеве и Харькове. Среди ее ролей были – Катерина и Тугина в пьесах А. Островского, Лиза («Дворянское гнездо»), Маргарита Готье («Дама с камелиями»), Настасья Филипповна («Идиот»). В 20-х-начале 30-х годов выступала с большим успехом в театрах Германии, Австрии, Чехословакии, в странах Прибалтики на русском и немецком языках, прославилась как «русская Дузе», в частности, в роли Марии Стюарт (в драме Ф. Шиллера).

С приходом к власти нацистов обосновалась в Эстонии. После оккупации Прибалтики в 1941 гитлеровскими войсками Полевицкая была арестована и отправлена в концлагерь на Северном море, но была освобождена благодаря вмешательству влиятельных друзей. Осенью 1941 года Елена Александровна заключила годичный контракт со студией УФА. В марте 1943 года актриса переехала в Вену, где преподавала в Высшей школе сценического искусства при Академии искусств, одновременно играла на сценах трех ведущих театров столицы Австрии. В 1955 году получила разрешение вернуться в СССР. В Москве, Ленинграде, Киеве про-

Варвара Алексеева-Месхиева

ли ее творческие вечера. С 1961 г. преподавала в Театральном училище им. Б. Щукина, снималась в фильмах «Муму» (1959) и «Пиковая дама» (1960). Остаток дней провела в московском Доме ветеранов сцены.

Соперничество двух известных актрис прибавляло остроты театральному сезону в Тбилиси. Но тбилисская публика отдавала предпочтение Варваре Владимировне – каждое выступление Алексеевой-Месхиевой проходило блестяще, с большим успехом. Анатолий Дмитриевич очень высоко ценил искусство актрисы, ее яркий талант и большую правду жизни на сцене. В годы Отечественной войны зрители Тбилиси вновь встретились с искусством блистательной актрисы, она играла на сцене русского драматического театра им. А.С. Грибоедова.

Елена Полевицкая в «Пиковой даме»

Партнером по спектаклям в Тбилиси был ее племянник, выпускник Щукинского училища – Ю. Алексеев-Месхиев. Несмотря на большую разницу в возрасте, Варвара Владимировна выглядела так же молодо, как ее партнер. На спектакли с их участием попасть было нелегко: билеты распродавались задолго до назначенной даты представления.

КСТАТИ. Варвара Владимировна родилась 1 февраля 1898 года в семье крупнейшего грузинского трагика, Народного артиста Ладо Месхишвили, актера и режиссера.

С 1916 года она играла на сценах крупнейших театров в Москве, Киеве, Харькове, Тбилиси, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Баку, Ереване и других городах. После Великой Отечественной войны отказавшись от гастрольной деятельности, поступила в Центральный театр Красной Армии. Создала народный «Театр обороны». Ушла из жизни 25 декабря 1972 года. Похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.

Варвара Владимировна была удостоена звания заслуженной артистки Грузинской ССР (1943). Но

главной наградой для нее были любовь и преданность тбилисского зрителя, ходившего в Грибоедовский театр, чтобы посмотреть на нее в образах очаровательной Юлии Тучиной в «Последней жертве», незабываемой Дианы в «Собаке на сене» и в других спектаклях, в которых она блистала вместе с сыном своей родной сестры – Юрием Алексеевым-Месхиевым.

КСТАТИ. Судьба Юрия Алексеева-Месхишвили оказалась трагичной – он скончался в 1946 году на пороге тридцатилетия. Выпускник Московского театрального училища им. Щукина, он создал несколько ярких театральных ролей, снялся в фильме «Неуловимый Ян», был первым мужем своей однокурсницы Людмилы Целиковской.

«ЯГОДКА ЛЮБВИ»

После гастролей по Закавказью Смиранина ждет встреча с родиной и любимым морем. Он заключает контракт с кинофабрикой ВУФКУ в Одессе, где снимается в ряде кинофильмов: «Непобедимые», «Не по пути», «Девушка с палубы». Фильмы не приносят особого творческого удовлетворения, и, пожалуй, самым важным воспоминанием 1927 года во время пребывания в Одессе становится знакомство, а затем и добрая дружба с молодым режиссером и заведующим литературным отделом кинофабрики – Алек-

сандром Довженко. Год назад, в 1926 году, Довженко снял «Ягодку любви» – черно-белую, немую, короткометражную комедию по собственному сценарию. Тема любви занимает его постоянно, но если в кино она подается с юмором, то в реальности оборачивается сущими мучениями, которые терзают молодого режиссера. Довженко делится с Анатолием Дмитриевичем своими личными переживаниями и просит совета, как поступить: жениться на избалованной дочери бывшего сахарного фабриканта, истеричной «второсортной» актрисе, с которой помолвлен, или признаться в любви Юлии Солнцевой, которая недавно приехала в Одессу и, как вихрь, ворвалась в его жизнь? После встречи с нею Довженко не мог и думать о своей невесте, но угрызения совести заставляли его страдать. Анатолий Дмитриевич привез Довженко к себе домой и долго за бокалом вина убеждал, что, если он изменит своему чувству к Солнцевой, то будет всю жизнь об этом жалеть, тогда как брак с другой девушкой сделает несчастными их обоих. Позднее, узнав о союзе Довженко с Солнцевой, он с удовлетворением рассказывал, каким честным и глубоко порядочным был Александр Петрович, что никогда не шел ни на какие компромиссы, поэтому и задержался на кинофабрике недолго. А о том, что благодаря его советам, Юлия Ипполитовна Солнцева, первая женщина-режиссер, удостоенная приза за лучшую режиссуру на Каннском кинофестивале (1961), стала женой

и соратницей Александра Петровича Довженко, Смиранин из скромности не рассказывал.

КАЗУС МЕЙЕРХОЛЬДОМ

Смиранин не задержался в Одессе, в 1927 году его приглашает в штат Московская кинофабрика «Межрабпомфильм», где он снялся в роли фон Штубе в экранизации пьесы Бориса Лавренева «Разлом». Но этим дело не ограничилось. Актриса МХАТа Мария Жданова, которая снималась в «Разломе» в роли жены фон Штубе, – Татьяны, организывает летние гастроли и зовет Анатолия Дмитриевича в свой спектакль. Постановку случайно увидел Любимов-Ланской, художественный руководитель театра МГСПС, который искал исполнителя на роль Сергея Бартеньева в пьесе «Ненависть», и приглашает Смиранина в труппу своего театра.

КСТАТИ. МГСПГ – один из ведущих театров Москвы (Государственный академический театр имени Моссовета), был основан в 1923 году литератором и режиссером Сергеем Прокофьевым как театр рабочих Московского губернского совета профессиональных союзов. В первые годы находился в помещении «Эрмитажа». С приходом к управлению труппой Любимова-Ланского приобрел популярность.

Свое современное название получил в 1938 году.

Любимов-Ланской (Евсей Гелибтер) был родом из Одессы. Смиранин работал с ним в молодости и сразу принял предложение режиссера. Анатолий Дмитриевич был принят в труппу в момент подготовки театра к большим гастролям по стране: Средняя Азия, многие города России и Украины. Смиранин сразу был введен в несколько спектаклей и стал полноправным членом большого коллектива театра МГСПС. В Харькове на один из спектаклей пришел В.Э. Мейерхольд. Ему настолько понравилось исполнение Анатолия Дмитриевича, что вечером он зашел к нему в гостиницу. И после долгой беседы предложил роль Кирсанова-старшего в фильме «Отцы и дети», который он собирался ставить. По инициативе Мейерхольда, руководство «Межрабпомфильма» начало переговоры со Смираниным на предмет участия его в съемках. Вернувшись с гастролей, Анатолий Дмитриевич, привыкший с полной ответственностью выполнять свои обязательства, уволился из театра МГСПС, чтобы быть свободным для съемок. Однако у Мейерхольда изменились планы, он так и не приступил к съемкам «Отцов и детей».

КСТАТИ. *Остается только сожалеть о том, что проект не был осуществлен. Помимо всего прочего, Мейерхольд пригласил на роль Базарова Владимира Маяковского. Примерно в то же время Эйзенштейн вынашивал идею кинофильма*

по «Запискам охотника», но и у него не сложилось с экранизацией прозы Тургенева.

ДОНСКАЯ ПОВЕСТЬ

К счастью, неопределенность с работой у Смиранина продлилась недолго. Из театра в Ростове-на-Дону поступает заманчивое предложение на должность актера и режиссера. Анатолию Дмитриевичу уже давно хотелось самому заняться постановками спектаклей – он едет на Дон. В 1929 году первой его постановкой в Ростовском драматическом театре стал спектакль «Высота» Лебединского. Затем последовали спектакли – «Линия огня», «Скутаревский», «Гавань бурь», «Первая конная», «Разбег» и многие другие спектакли, которые шли с аншлагом и получили высокую оценку кри-

**С Григорием Леондором.
Начало 1930-х гг.**

Актеры драматического театра Ростова-на-Дону. 1935

тики. Смиранин становится любимым артистом города. Он ставит «Дело чести», играет Дульчина в «Последней жертве». Таиров, приглашенный в Ростов-на-Дону, чтобы поставить там спектакль, дарит Анатолию Дмитриевичу свое фото, и говорит, что с радостью принял бы его в свой Камерный театр.

На лето ростовчане едут на гастроли в Краснодар, Новороссийск, Минеральные воды – в города, в которых Смиранина помнили и любили. Успех большой, красоты природы Северного Кавказа располагают к творчеству, и Анатолий Дмитриевич все свое свободное время рисует картины, самостоятельно постигая искусство живописи.

В Ростове-на-Дону Смиранин по-настоящему узнал вкус славы.

Его, ведущего артиста и режиссера, боготворили зрители, обласкивало руководство, актер избран депутатом горсовета. И, наконец, после стольких лет переездов он может спокойно осесть на одном месте и насладиться радостями семейной жизни. Анатолий Дмитриевич женится на актрисе Е.П. Арычевой. Вскоре родилась дочь Виктория. Смиранин становится прекрасным отцом, он нежно привязан к малышке. Но тут судьба наносит ему жестокий удар, девочка в четыре года заболевает тяжелой формой менингита и буквально «сгорает» за несколько дней. Остаться в Ростове после такого горя Анатолию Дмитриевичу невыносимо, все напоминает об утраченном счастье, будоражит память и чувства. К тому же в ростов-

Александр Таиров

ском театре грядут большие перемены – Смиранину сулят золотые горы, но он категорически отказывается и остается в городе.

КСТАТИ. В начале 30-х годов принято решение о строительстве нового грандиозного здания ростовского театра. Победил проект, в основу которого была положена конструкция, напоминающая трактор «Коммунар». В 1935 году строительство было завершено. Театр открылся спектаклем «Мятеж» по одноименной повести Д.А. Фурманова. Известно, что по ходу действия на огромную сцену была выведена целая конница. С 1936 по 1940 г. театром руководит Ю.А. Завадский. В 1932-1935 годах он возглавлял Центральный театр Красной Армии, а в 1936 году в ходе кампании по упразднению «чересчур ярких, неортодоксальных театров» и «пере-

броске» их в другие города страны Завадский и его труппа были направлены в Ростов-на-Дону, где режиссер возглавил Академический театр драмы имени М. Горького. На этой должности он оставался четыре года. С 1940 года по 1977 год Юрий Завадский был бессменным руководителем театра им. Моссовета.

Вместе с Юрием Завадским в ростовский театр переводятся ведущие актеры его театра – В. Марецкая, Р. Плятт, Н. Мордвинов. Посмотрев спектакли в Ростове-на-Дону, режиссер отбирает нескольких артистов для обновленной труппы, а Анатолию Смиранину советует ехать в Москву, выражая надежду, что и он сам тоже скоро вернется в столицу. В то же время приходят письма и от Любимова-Ланского, предлагающего Смиранину вернуться в

Дульчин. «Последняя жертва»

МГСПС. Остается в силе приглашение Таирова. Но Смиранин почему-то колеблется, ни одно из предложений не находит отклика в его душе. Будто что-то мешает сделать решительный шаг навстречу новой жизни. Он продолжает ждать, отклонив предложения трех ведущих театров Москвы.

ХОД КОНЕМ ШАХ-АЗИЗОВА

Все решилось самым неожиданным образом. Таирова, Завадского, Любимова-Ланского переиграл руководитель Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова – Константин Ясонович Шах-Азизов (в будущем директор Московского Центрального детского театра). Узнав о том, что труппа очень престижного и успешного театра драмы имени М. Горького находится в процессе обновления, он поспешил в Ростов-на-Дону. Приехал Шах-Азизов инкогнито, в театре никто не знал о его приезде. Написал записку Анатолию Дмитриевичу Смиранину, с нижайшей просьбой встретиться с ним в гостинице. Заранее выведав, что Смиранин страстный охотник, Шах-Азизов соблазняет его сказочными условиями: двухмесячным отпуском в охотничий сезон весной и осенью, а также предлагает подписать договор о режиссерской и актерской

Константин Шах-Азизов

деятельности, с самостоятельным выбором ролей и пьес для постановки. Так заканчивается семилетний период жизни Смиранина на Дону, наполненный успехом и горечью потери. С 1929 по 1936 год Ростов-на-Дону полюбил артиста, оценил его, раскрыл его талант во всей полноте. Шах-Азизов сумел преодолеть все его колебания, увлечь новыми перспективами. Анатолий Дмитриевич подписывает контракт. Ростов был оставлен, несмотря на то, что театром и общественными организациями в это время, были поданы документы на присвоение Смиранину звания заслуженного артиста РСФСР. Решение было положительным, но в связи с его отъездом в Грузию, так и не было окончательно утверждено.

С приглашения на гостеприимную землю Грузии началась вторая половина жизни известного артиста и режиссера Анатолия Смиранина.

Труппа театра А.С. Грибоедова. Конец 1930-х гг.

ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ

АКТ ВТОРОЙ

ТБИЛИССКАЯ ГАВАНЬ

Возможно, сделав выбор между Москвой и Тбилиси в пользу южного города, Смиранин действовал импульсивно. Вряд ли он думал, что открывает самую значительную страницу своей биографии. Скорее всего, в далеком 1936 году, овеянная романтическими легендами Грузия, где он неоднократно бывал на гастролях, рисовалась ему тем сакральным местом, где можно вновь обрести душевное спокойствие, отойти от потрясений. Как бы там ни было, отныне Тбилиси станет местом постоянного его обитания, а Грузия – почвой, в которую он вырастет корнями,

страной, где он обретет почести и личное счастье. В Тбилиси сполна оценят талант Смиранина, отметят его заслуги званиями заслуженного артиста, а затем – народного артиста Грузинской ССР, наградят орденом «Знак Почета». Анатолий Дмитриевич, воспитанный в лучших традициях русской интеллигенции, интеллектуал, обладающий и знаниями, и природным благородством духа, как нельзя лучше впишется в элиту грузинской культуры. В течение сорока лет будет одним из самых ярких лидеров Грибоедовского театра.

РОМАНТИК И БУНТАРЬ

Дебют Анатолия Дмитриевича в Тбилиском государственном русском драматическом театре имени А.С. Грибоедова произошел 1 октября 1936 года. Трагическая роль Чепурного в пьесе М. Горького «Дети солнца» в постановке опытного режиссера А. Ридалья предоставила актеру возможность в полной мере раскрыть свой талант. Во всех местных газетах появляются хвалебные рецензии. Буквально через месяц Ридаль выпускает еще одну премьеру – «Сирано де Бержерак» Э. Ростана со Смираниным в главной роли, и снова блистательный успех артиста. Арсений Григорьевич Ри-

Сирано де Бержерак

даль, главный режиссер театра, был человеком разносторонне образованным, учился режиссуре в Германии у Макса Рейнхардта, до революции играл в маленьких театрах Петербурга, в том числе и в «Кривом зеркале», ставил спектакли в театрах Закавказья, Москвы, Алматы. Появление в труппе Смиранина послужило для режиссера своеобразной пусковой пружиной для воплощения многих идей – дало возможность обогатить репертуар героическими классическими пьесами с неординарной фигурой центрального героя. Сирано в исполнении Смиранина был сгустком энергии, каждая реплика разила, как клинок, монологи поражали грустной мудростью и глубиной чувств. Ридаль и Смиранин перечитали все возможные литературные источники о реальном историческом Сирано и о романтическом герое Ростана. Подлинная жизнь философа была гораздо страшнее сочиненного образа. Не выдуманы у Ростана громадный нос Бержерака и его неумное бунтарство. В пьесе ум, ирония, талантливость Сирано питаются его страстью к прекрасной Роксане. Обычно актеры играют эту самоотверженную, не знающую границ любовь. Однако смиранинский Бержерак ставил превыше всего на свете любовь к истине и тему протеста личности против тирании и тупости власти. Он пытается изменить мир, сделать его благороднее, а лирические сцены с Роксаной были для него отдыхом от этой непрерывной и неравной борьбы. После каждого выхода артиста

в зале звучали аплодисменты, а в финале зрители плакали и смеялись над насмешками Бержерака над смертью. В страшное время репрессий поставить такой острый спектакль было большой смелостью. Он выходил за рамки комедии в исторических декорациях, будил чувства, напоминал о чувстве собственного достоинства, о праве личности на индивидуальность. Смиранин в образе Бержерака стал знаковой фигурой для тбилисского зрителя.

В Тбилиси заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушской АССР А.Г. Ридаль поставил с 1934 по 1942 гг. около двадцати постановок. Анатолий Дмитриевич был занят практически во всех значимых спектаклях Ридалья: «Двенадцатая ночь» Шекспира, «Фельдмаршал Кутузов» Соловьева, «Три сестры» Чехова, «Варвары» Горького.

Успех Смиранина в первый свой сезон в Тбилиси закрепили его игра в комедии «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони, в «Ревизоре» Гоголя, где он исполнил роль Городничего. После премьеры «Двенадцатой ночи» в газете «Заря Востока» появилась хвалебная статья, в которой говорилось: «...из исполнителей следует в первую очередь отметить А. Смиранина в роли сэра Тоби Белча. Он играет роль этого беспечного гуляки, вечно жизнерадостного, никогда не унывающего, с большим темпераментом».

Смиранин был высокого роста, обладал превосходной пластикой и умел носить платья королей и мундиры генералов. Он великолепно

Президент фон Вальтер.
«Коварство и любовь»

чувствовал себя во фрачной паре. Видевшие его на сцене старые театралы отмечают, что когда ему приходилось облачаться в этот торжественный наряд, то фрак на аристократе смотрелся на Смиранине иначе, чем на персонаже купеческого сословия, или на авантюристе. Но всегда роскошно.

В конце 30-х годов Смиранин занят во многих репертуарных пьесах театра, в основном это русская классика и пьесы советских драматургов, следует отметить постановку «Человек с ружьем» Н. Погодина. Риторика резко меняется накануне войны, становятся востребованными произведения с героической и патриотической тематикой. Весной 1941 г. в постановке режиссера Абрама Рубина состоялась премьера по пьесе Вакели «Великий Муравь». Роль национального героя

Грузии Георгия Саакадзе исполнил Анатолий Дмитриевич, создав насыщенный эмоциями, запоминающийся образ военачальника-полковника. Осенью 1941 года Анатолий Дмитриевич сыграл Ярового в пьесе Тренева «Любовь Яровая» (постановка А. Рубина). Театровед Е.И. Шапатава в своей книге «Тбилисский государственный театр русской драмы имени А.С. Грибоедова» писала: «Яркое и талантливое исполнение образа Ярового актером А. Смираниным создавало все условия к тому, чтобы моменты столкновения Любви с мужем явились настоящим острым сценическим поединком». Смиранин невероятно убедителен в образе поручика Ярового, которого буквально разрывают чувство долга и любви к жене, охваченной революционным порывом. С позиций сегодняшнего дня пьеса Тренева трактуется, иначе, чем в советское время, когда белый офицер воспринимался однозначно как враг, а красноармеец – герой. Незурядное актерское мастерство позволяло Смиранину передать глубину образа Ярового, показать своего героя личностью со своей жизненной правдой.

Известный театральный режиссер, заслуженный деятель культуры РСФСР Григорий Владимирович Спектор, начинавший свою карьеру в Грибоедовском театре, режиссер разных театральных коллективов в Москве (театр им. Ермоловой, государственный камерный музыкальный театр им. Б. Покровского), Томске, Ташкенте, преподаватель

ГИТИСа пишет в своих воспоминаниях: «Анатолий Дмитриевич Смиранин долгие годы был безусловным лидером очень сильной труппы русского драматического театра имени Грибоедова. Я имел счастье видеть все спектакли этого театра, начиная с 1937 года и до 50-х годов. Впервые я увидел Анатолия Смиранина в спектакле «Моцарт и Сальери», поставленном к 100-летию смерти Пушкина. Сальери-Смиранин просто врезался в мою память. Высокий, одетый в темный камзол, в пудреном парике, он был сама любовь и дружелюбие. Но как же он менялся, когда оставался один! Какое внутреннее страдание, какой пламень жег его! Казалось, он худел

**Кавалер де Рипафратта.
«Хозяйка гостиницы»**

на глазах, на впавших щеках играли желваки. Когда Моцарт играл мелодию из Реквиема, по его щекам катились слезы. А фразу «Ты заснешь надолго, Моцарт...» он произносил не со злорадством, а печально, а в последнем монологе звучал неподдельный ужас. Публика была захвачена и взволнована. Актеров вызывали бесконечно. Смиранин кланялся, но очень серьезно, как бы еще не отойдя от переживаний своего героя. Кстати, он почти всегда был таким, выходя на поклон, – с большим достоинством».

Григорий Владимирович Спектор – один из немногих здравствующих свидетелей театральной эпохи 30-х годов – он родился в Тбилиси в 1926 году. Вот так режиссер описывает Смиранина в трагедии Шиллера «Коварство и любовь» в роли Президента фон Вальтера: «В нем

чувствовался подлинный аристократизм! Это я понял, конечно, позже, а тогда просто был захвачен этим надменным и властным стариком, при появлении которого все как бы съеживались».

«В спектакле «Варвары» Горького Смиранин играл циничного и умного инженера по фамилии Чиркун. Там была замечательная сцена, когда он напавал купеческого сына (того смешно играл, будучи уже в солидном возрасте, Мюфке). Одну неповторимую интонацию Смиранина мы с моим другом детства, тоже поклонником Грибоедовского театра и будущим режиссером Георгием Геловани, часто вспоминали и пытались повторить: «Эта влага, юноша, называется «Шар – трез!»», – вспоминает Григорий Владимирович Спектор.

Смиранин с каждым годом становился все более популярным артистом. «Высокий, статный человек со скульптурной лепкой значительного лица – таким был Смиранин – ведущий артист русского драматического театра имени Грибоедова. От него исходило ощущение масштаба личности, незаурядности, значительности», – вспоминает студиец Артем Карапетян. «Как-то раз я дерзнул спросить артиста о происхождении его фамилии. «Однажды был в горах я ранен, с тех пор зовут меня Смиранин», – без промедления продемонстрировал Анатолий Дмитриевич и засмеялся. Если пользоваться весьма условным делением актеров на представителей школы переживания и представления, то Смиранин

относился скорее к последней. Это вовсе не означает, что он не вкладывал душу в сценические образы. Одни актеры, работая над ролью, идут от внешнего – к внутреннему, от формы к содержанию, другие отталкиваются от содержания – к форме. Для Смиранина форма, театральность, яркая выразительность всегда были на первом месте. Он был эффектен и очень убедителен», – пишет А.Карапетян.

ПОД КАНОНАДУ ВОЙНЫ

Первый день Великой Отечественной войны Анатолий Дмитриевич встретил на гастролях в Батуми. В молодости он ушел в 1915 году добровольцем на фронт Первой мировой войны, воевал, получил ранение в голову. Теперь артист уже в зрелом возрасте: в ноябре 1940 года по решению комиссии РВК он снят с воинского учета. Смиранину по складу характера было трудно примириться с ролью бойца культурного фронта и, поддавшись порыву души, он обращается с призывом к охотникам встать на защиту родины. Приведем полностью этот короткий документ из семейного архива Смираниных, который как нельзя лучше дополняет портрет Анатолия Дмитриевича – человека долга и чести.

«Тбилиси, Союз охотников Монкавишири,

копия редакции «Заря Востока»

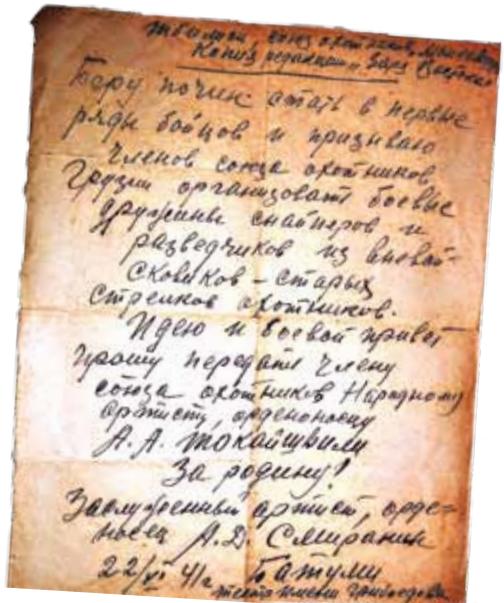
Беру почин: статья в первые ряды бойцов и призываю членов Союза охотников Грузии организовать боевые дружины снайперов из вневойсковиков – старых стрелков-охотников. Идею и боевой привет прошу передать члену союза охотников Народному артисту, орденоносцу А.А. Токайшвили.

За Родину!

Заслуженный артист, орденоносец А.Д. Смиранин

22/VI 1941 г. Батуми, театр имени Грибоедова».

Очевидно, что автор обращается к режиссеру Александру Александровичу Такайшвили, который

Сцена из спектакля «Великий Моурави»

знаменитые пианисты, арфистка Ксения Эрдели, певица Нина Дорлиак и многие другие музыканты, певцы выступали в госпиталях, переполнявших тыловой город. Многие лазареты размещались в помещениях школ, где имелись инструменты, в другие госпитали пианино привозили на грузовике, его перетаскивали из палаты в палату, и в каждой выступали, играли, пели выдающиеся артисты, иногда даже для одного-двух раненых бойцов», — вспоминает Григорий Спектор.

В начале 1943 года театр им. Грибоедова в полном составе выезжает в прифронтовой Сочи. Артисты вели себя мужественно, несколько раз во время гастролей город бомбили с неба, но спектак-

ли не прекращались, а зрители не покидали своих мест. По просьбе руководства армии гастроль продолжают, и артисты дают спектакли на боевых кораблях Черноморского флота.

В послевоенные годы Смирнин с гротесковой остротой сыграл роль Звездинцева в «Плодах просвещения» Л. Толстого (постановка А. Рубина), фон Штубе в «Разломе» Б. Лавреньева (постановка А. Такаишвили), профессора Добротворского в «Законе чести» А. Штейна, кардинала в пьесе Н. Вирты «Заговор обреченных», Орвила Мейсона в «Законе Ликурга» по роману Т. Драйзера «Американская трагедия» (постановка Г. Гви-ниашвили).

ТАРТЮФ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

В одной из многочисленных рецензий Смиранина называют «человеком большой культуры, большого ума и чистого сердца» – и это неслучайно, в каждый созданный образ, независимо от уровня драматургического материала, он вкладывает свои обширные знания и глубокие чувства. Об исполнении ролей мирового репертуара может служить оценка его Тартюфа. 4 марта 1947 года выходит спектакль по пьесе Мольера – «Тартюф» в постановке А. Такашвили. Критика признает, что роль Тартюфа стала одной из самых больших удач в веренице образов, созданных Смираниным. В рецензии на спектакль в газете «Заря Востока» театровед Г. Бухникашвили отмечает: «В хорошо продуманных жестах, интонациях, мимике, артист А.Д. Смиранин вскрывает все оттенки лжи, лицемерия, притворства, ханжества, стяжательства и сластолюбия Тартюфа. В его исполнении четко встает тип иезуита, опутывающего своей паутиной легковых людей». На этом можно было поставить точку. Однако проходит без малого четверть века, и выясняется, что об этой работе Смиранина собирается написать в своей книге известный столичный театровед Григорий Бояджиев. Он пишет Смиранину письмо, в котором задает ряд вопросов по исполнению

Сцена из спектакля «Тартюф»

и трактовке образа Тартюфа. «Это лучший Тартюф, которого мне пришлось видеть за мою жизнь». Увы, письмо пришло на второй день, как Анатолий Дмитриевич был похоронен, в феврале 1971 года. Другое письмо из Москвы от театроведа Александра Глумова Анатолий Дмитриевич, к счастью, успел получить: «О вас я пишу в связи с обзором актеров трагикомедии: Давыдов, Москвин, Чехов, Бирман, Завадский (Святой Антоний), Петипа (Сирано). Таких актеров очень мало и попасть в их компанию большая честь. Ваш Тартюф – великолепен. Жалею, что не видел вас в других ролях».

В 50-е годы Смиранин исполняет множество ролей, назовем наиболее значимые: он играет Дорна в

Командор.
«Каменный властелин»

Мехти-ага.
«Глубокая разведка»

Граф Лудовико.
«Собака на сене»

«Чайке», Скалозуба в «Горе от ума» в постановке А. Такашвили, посвященной двадцатилетнему юбилею присвоения театру имени Грибоедова, полковник Тальберг в пьесе «Дни Турбиных» М. Булгакова в постановке Л. Варпаховского, Крогстад – в «Кукольном доме» Ибсена в постановке М. Ольшаницкой, Коломийцев – «Последние» М. Горький, пост. Г. Гвиниашвили. Смирнин также сыграл:

Кастел Бенака – «Господин Топаз» М. Паньоль, Л. Нивуда – постановка М. Ольшаницкой, Шахматова – «Весенние скрипки» А. Штейна – постановка А. Випмана, правителя Грузии в пьесе «Путешествие в три времени» Г. Абашидзе – постановка А. Рубина.

25 декабря 1951г. в постановке Марии (Мери) Ольшаницкой «Каменный властелин» Л. Украинки Анатолий Дмитриевич создал очень

интересный, яркий образ «каменного властелина» – Командора дона Гонзаго де Мендоза. 27 мая 1952 года состоялась премьера спектакля по пьесе Крона «Глубокая разведка» в постановке Т. Кандинашвили. Это была дипломная работа выпускника ГИТИСа, ученика Ю. Завадского – Тенгиза Павловича Кандинашвили, стажера Моссовета. В спектакле Смирнин создал колоритный образ Мехти Ага Рустамбейли. На премьеру своего ученика приехал Завадский, и они с Анатолием Дмитриевичем встретились вновь, спустя долгие годы.

7 октября 1952 г. в театре успешно прошла премьера «День чудесных обманов» Шеридана. Смирнин блистательно играет Исаака Мендозу. Спектакль еще не был выпущен, а по театру пролетел слух: «Смирнин репетирует необыкновенно интересно!». На репетиции стали при-

ходить артисты театра и зачастую не удерживались от аплодисментов, глядя на его виртуозное исполнение в этой комедии положений. 6 ноября 1952 года выходит «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, где Анатолий Дмитриевич играет командира корабля, а 28 декабря «Коварство и любовь» Ф.Шиллера. Смирнин – Президент. Актер вновь исполняет роль, в которой он выходил на сцену театра в 1937 году. По роману П. Абрахамса «Тропою грома» артист театра К. Мюфке пишет пьесу «Завтра будет наше» о любви белой девушки и темнокожего парня. Константин Карлович Мюфке вспоминал, что когда он принес пьесу в Репертуарную комиссию Министерства культуры СССР, и заведующий отделом, узнав, что тот из Тбилиси, стал расспрашивать о Смиранине, с которым когда-то работал. После этого разговора процесс разрешения на постановку прошел удивительно быстро. 25 апреля 1953 года в театре состоялась премьера спектакля «Завтра будет наше» – Анатолий Дмитриевич выступил в роли Герта Вильера.

В начале 60-х годов Смирнин сыграл Джильберта Ратлена в постановке «Сокровище» Пристли – это была дипломная работа Роберта Стуруа, выпускника режиссерского факультета Тбилисского театрального института. Премьера состоялась 25 апреля 1961 года.

Также в числе последних ролей артиста на сцене Грибоедовского театра – Джейб Торренс «Орфей спускается в ад» Т. Уильямса – по-

становка А. Рубина, премьера 17 мая 1962 г. Свидригайлов – «Преступление и наказание» Ф. Достоевского постановка С. Челидзе, 2 ноября 1962 г.

СМИРАНИН – РЕЖИССЕР

В первый же год работы в Грибоедовском театре Смирнину поручают постановку пьесы «Коварство и любовь» Шиллера. Премьера прошла с аншлагом 3 января 1937 года. Анатолий Дмитриевич сыграл в постановке роль жестокого и властного Президента фон Вальтера. Выбор спектакля неслучаен. Пьесы Шиллера, этого адвоката человечества – защитника угнетенных и борца против тирании, ученика Руссо и наставника русских революционеров XIX века, были чрезвычайно популярны в 20-30-х годах прошлого столетия. Гневные речи Фердинанда, которого властный отец Президент фон Вальтер пытается женить на богатой даме, были направлены не только против деспотизма отца, но против тиранов власти. Монологи романтического героя, воплощающего благородство, в спектакле «Коварство и любовь» натывались на кремь и силу властного старика. Смирнин в роли фон Вальтера производил магическое впечатление на зрителей, заставляя пове-

речь в незыблемость устоев абсолютизма. Но тем не менее постановка давала надежду, что протест принесет свои плоды, что идеалы свободного мира восторжествуют. Пьеса «Коварство и любовь», написанная Фридрихом Шиллером в период «Бури и натиска», обходила рогатки цензуры и в страшные годы сталинских репрессий становилась гимном торжества борьбы за права личности, человеческое достоинство.

В том же году Смиранин подтвердил свое высокое профессиональное мастерство постановщика, подготовив юбилейный вечер, посвященный 100-летию гибели А.С. Пушкина. Инсценировки «Мозарта и Сальери», «Каменного гостя», «Медного всадника», «Цыган», «Графа Нулина» были высоко оценены зрителем. А через два месяца в постановке Смиранина выходит пьеса А. Островского – «Доходное место», где сам он играет Вышневецкого. Далее Смиранин останавливает свой выбор на «Провинциальной истории» – инсценировке по роману «Жизнь холостяка» Бальзака, где играет в дуэте со своей постоянной партнершей Л. Врублевской. Критики пишут, что «...Врублевская (Флора Бразье) и Смиранин (Филипп Бридо) достигают большой выразительности и оставляют яркое впечатление». Впоследствии Врублевская вспоминала: – «В моей творческой жизни было немало хороших партнеров, но с А.Д. Смираниным я играла с наибольшим

**Президент фон Вальтер.
«Коварство и любовь»**

удовольствием. Он обладал высоким мастерством импровизации и поэтому каждый спектакль был интересным, премьерным, звучал каждый раз с новой силой, не давал расслабиться!».

31 августа 1940 года Анатолий Дмитриевич выпустил трагедию В. Гюго «Эрнани», где сам играл роль Дона Карлоса. А завершается последний предвоенный год премьерой смиранинской постановки «Потоп» Г. Бюргера.

Романтическая драма Гюго была с восторгом встречена зрителями. История испанского инфанта, ставшего в силу обстоятельств разбойником, не могла не поразить воображение. Эрнани соперничал с могущественным королем, отстаивая право любить юную красавицу. Клинки и шпаги, заговоры, интриги

Сцена из спектакля «Эрнани»

и любовные признания, трагическая развязка – все это держало в напряжении в течение пяти актов действия. Критики сравнивали эффектную сценографию третьего акта «Эрнани» с картинами старых испанских мастеров. Смирнин в роли дона Карлоса был великолепен, как никогда. Его герой – потомок двух могущественных королевских родов Европы только что избран императором Священной Римской империи, отныне он именуется Карлом V, в границах владений которого – от Дуная до колоний Нового Света – никогда не заходит солнце. В усыпальнице испанских королей дон Карлос размышляет о тяжелом бремени вла-

сти и просит души умерших предков помочь ему управлять огромной империей. Но в какой-то момент нового императора пронзает горькая мысль, что он, владеющий 27 коронами, не может завоевать расположение прекрасной доньи Соль. Далее следует драматическая сцена, во время которой герой Смиранина пытается добиться согласия любимой дамы, но тщетно – ее сердце принадлежит Эрнани. Затем император узнает об измене испанской знати. Мятежников ждет казнь. Но Эрнани нет в числе приговоренных, он слишком незначительная фигура для мести императора. Благородный молодой человек сам выступает вперед и от-

крывает свое имя: он – принц Хуан Арагонский и имеет право взойти на эшафот с остальными бунтарями. Донья Соль бросается на колени перед императором и умоляет его о пощаде, соглашаясь уступить ему, если он помилует Эрнани. Смиранин с глубоким психологизмом показывает чувства, одолеваяющие его героя. Наконец, он выпрямляется и с подлинно королевским достоинством отдает приказ о помиловании Эрнани и разрешает ему взять в жены донью Соль.

Благородный король, отважные аристократы, отстаивающие свою честь мечом, – в советское время классические романтические пьесы воспринимались с особым энтузиазмом, они возвращали людям веру в нормальные общечеловеческие ценности. Зрители устали от деформированного восприятия реальности сквозь навязанную идеологами призму соцреализма. Согласно советским догмам положительный герой должен быть из народа и обладать простецкой наружностью. С внешностью и харизмой Смиранина нечего было рассчитывать на роли «хороших парней». Как правило, ему доставались роли иностранцев, шпионов и вредителей в пьесах, написанных в лучших традициях тех лет. Неудивительно, что режиссер Смиранин останавливал свой выбор на русской классике и на западно-европейской драматургии, особенно на костюмных пьесах, где для него всегда находились роли, в которых он мог блеснуть всеми гранями

своего таланта.

«Смиранин был актером и режиссером незаурядным, особая приподнятость чувств и острота формы, которая была характерна для его творчества, настолько была органична ему, что воспринималась как яркая театральная правда. Романтический герой – дон Карлос или Сирано де Бержерак был близок творческой натуре актера – для него было естественным защищать честь шпагой, писать стихи. Но умел сочетать широкий мазок и акварельную прозрачность тонкости. Он умел брать зрителя в плен. Независимо от того, нравился он или нет, вы были у него в плену», – писала театральный критик Елена Шапатава, оставившая подробное исследование творчества Анатолия Дмитриевича Смиранина.

Блестяще сыграл Анатолий

Кречинский. «Свадьба Кречинского»

Дмитриевич Кречинского в своей постановке пьесы Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского». Шел май 1944 года, спектакль пользовался огромным успехом, каждый раз зрительный зал взрывался аплодисментами. Знаковой для Смиранина стала постановка (преьера состоялась в мае 1945 года) пьесы «Лес» А. Островского, в которой он сыграл Несчастливцева. Анатолий Дмитриевич, сполна вкусивший все «прелести» провинциального театра, наделил образ провинциального артиста подлинным трагизмом и тонкой иронией. Когда Смиранин в образе Несчастливцева выходил на сцену, вынимал пьесу Шиллера «Разбойники» и произносил, чуть растягивая слова: «...Я чувствую и говорю, как Шиллер, а ты – как подьячий! Ну, довольно! В дорогу, Аркашка! Прощайте! (Кланяется всем.) Тетушка, пожалуйста ручку!», зал взрывался аплодисментами.

Неизменным успехом пользовались поставленные Смираниным спектакли «За тех, кто в море» Б. Лавренева, «Хлеб наш насущный» Н. Вирты, повторил он и постановку «Провинциальной истории» с другим составом актеров, «Несчастный случай» М. Маклярского и др.

Режиссерская деятельность прервалась после того, как в середине 50-х годов Министерство культуры СССР выпустило постановление о недопустимости совмещения должностей актера и режиссера в одном театре. Смиранин остался Артистом.

КОНФУЗЫ И СУПЕР ЭФФЕКТЫ

В шутку Смиранин любил подчеркнуть, что в шекспировском театре шутам платили больше, чем другим исполнителям. Шутам разрешалось импровизировать. А для того, чтобы хозяин «Глобуса» Шекспир разрешил произносить отсебятину, шут должен был хорошо импровизировать. Анатолий Дмитриевич обладал важным для актера качеством – он блистательно разруливал ситуацию в случае заминки во время действия. Шекспир бы оценил! В спектакле «Бешеные деньги» Островского в постановке Товстоногова Смиранин играл Телятьева. Во втором акте Лидия бросает ему в лицо: «Вы чудовище! Вы гадкий!». Телятьев отвечает: «Справедливо, и потому вы сами должны благодарить меня, что я не женился на вас». После этой реплики Смиранин двигался к кулисе, столкнувшись в дверях с Васильковым, должен был сказать: «Честь и место!» – и удалиться. Но артист Бодров, игравший Василькова запоздал. Все реплики сказаны, а Василькова нет и нет. Тогда Смиранин произносит длинный монолог своего сочинения под Островского, рассуждая о своих отношениях с Лидией. В аналогичной ситуации в спектакле «Сирано де Бержерак» Анатолий Дмитриевич импровизировал в стихах в

Исаак Мендоза.
«День чудесных обманов»

стиле Ростана. Он продолжил свой монолог настолько удачно, что зрители ничего не заметили. «Смиранин никогда не терялся на сцене, всегда находил блестящий выход», – вспоминала актриса Л.А. Врублевская.

Народная артистка ГССР Тамара Васильевна Белоусова-Шотадзе вспоминала, как в начале ее карьеры в театре Грибоедова случился конфуз. «Меня стали вводить на роль Лидии в спектакль «Бешеные деньги». Я сразу попала в очень крепкие руки. Встретилась с такими замечательными мастерами сцены, прекрасными актерами, как Е. Сатина, И. Бодров, Б. Вяземский, А. Смиранин, К. Добжинский, А. Смирнова. Главным режиссером тогда был Александр Такайшвили. Сначала могикане отнеслись ко мне немного снисходительно, но когда я занялась своим

Несчастливцев.
«Лес»

делом, изменили свое отношение. Кстати, до меня роль Лидии играла более опытная, чем я, актриса – Е. Ковальская. Вспоминается в связи с этим спектаклем один забавный случай. Шла сцена, когда моя героиня Лидия трагическим голосом просит денег. Я прилегла на софу и... потеряла сознание. Партнер ждет моей реплики, а я молчу. И тут Анатолий Смиранин, игравший Глумова, начинает произносить текст за меня: «Она говорит, что ей нужны сорок тысяч рублей!» В зале раздается смехок. Я, то есть Лидия, продолжаю хранить молчание. Смиранин вынужден продолжать: «Она говорит, что ей нужны... бешеные деньги!» Екатерина Сатина, игравшая мою мать, схватилась за голову. Тут я пришла в себя, в ужас вскочила. После этого случая я думала, что Смиранин не захочет больше быть моим партне-

Сцена из спектакля «Лисички»

ром на сцене, но ошиблась: мы сыграли вместе еще в пяти спектаклях. Один из них – «Без вины виноватые». Помню, как тщательно выстраивал спектакль и роли режиссер А. Южанский. Я играла Коринкину. Была такая сцена. Моя героиня садилась на колени к меценату – его играл А. Смиранин, и он угощал Коринкину шоколадными конфетами. А в это время Кручинина стояла неподвижно в стороне, замерев, и терла виски. Весь расклад отношений был налицо. Смиранин был на сцене всегда очень убедителен, он прекрасно играл сладострастного мецената, а в жизни неизменно был настоящим джентльменом».

Заслуживают внимания воспоминания Вадима Винникова, много лет возглавлявшего Народный русский театр Сухуми. Театром этот актер и режиссер заболел еще

школьником, когда тетушка – актриса Грибоедовского театра взяла его с собой на гастроли в Батуми. Он смотрел все спектакли на приставном стуле, но однажды стул поставили перед первым рядом, и голова подростка возвышалась над рампой, мешая зрителям и отвлекая актеров. В тот вечер давали пьесу Островского «Лес», Смиранин играл Несчастливцева. Он внимательно посмотрел на юного театрала, произнес свою реплику, подошел к столу и налил полный стакан воды, отпил несколько глотков, а остальную воду, как бы невзначай, выплеснул на торчащую голову. По словам Винникова, он хорошо усвоил урок, преподанный актером.

«Голос и манера говорить у Смиранина была какая-то особенная, – пишет Вадим Винников, – он говорил будто нараспев, повышая

голос, произносил слова на выдохе, разделяя их на слоги и выделяя ударные звуки. Передать впечатление от его речи – невозможно. Это надо было слышать!».

В театральной энциклопедии 1965 г. подчеркнуты неординарные черты исполнительской манеры Смиранина – «острота сценического рисунка, изобретательность, эксцентрический гротеск» – таким он запомнился зрителям. В подтверждении этого – еще одно воспоминание Вадима Винникова.

Для открытия сезона 1945-1946 гг. молодой в ту пору режиссер Георгий Товстоногов решил поставить пьесу «Лисички» Лилиан Хеллман. И ему очень хотелось, чтобы Смиранин играл роль старика Горация Гидденса. Опасаясь, что Анатолию Дмитриевичу материал покажется «мелковатым», и он откажется, Товстоногов попросил Шах-Азизова пойти с ним домой к Смиранину на переговоры. Все уладилось как нельзя лучше. Смиранин согласился, начались репетиции. Вадиму Винникову удалось наблюдать одну из репетиций «Лисичек» и стать свидетелем следующего эпизода: «Моя тетя Маруся – Мария Николаевна Мичуринна исполняла роль жены старого господина, его играл Смиранин. Он сидел и пил кофе, когда жена излила на него поток ненависти, призналась, что вышла замуж только ради денег и много лет ждет его смерти, как избавления. После такой атаки старик, по замыслу постановщика, мгновенно должен был умереть от

разрыва сердца. Но просто отдать богу душу своего героя Смиранину было неинтересно. Схватившись за сердце, он роняет чашку и блюдец – и в последнюю секунду, где-то над полом, ловит их своими длинными руками. Разворачивается спиной и делает несколько шагов к лестнице, ведущей на балкон с колоннами, цепляясь руками за перила, падает во весь свой высокий рост на ступени и с невероятными усилиями ползет вверх. Корчась и хрипя, он достигает колонны и прячется за ней. А потом появляется его рука, совершающая конвульсивные движения. И, наконец, сделав последние усилия, с поднятыми к небу руками, артист падает замертво на балконе. Зрелище агонии было жутким. Георгий Товстоногов настолько озадачился, что долго молчал. А после паузы сказал: «Дорогой друг, я понимаю, что ваш герой в шоке, но зачем ронять чашку, потом ловить ее, вполне достаточно выронить ложку. Зачем ползти по лестнице и умирать на балконе, достаточно откинуть голову и умереть в кресле».

– Ну, что вы, – ответил Смиранин. – Я же треффектирую!

До окончания репетиции Товстоногов больше не сделал ни одного замечания. На следующий день Георгий Александрович отвел Смиранина в сторонку и чрезвычайно учтиво поинтересовался: «Анатолий Дмитриевич, простите великодушно, но я вынужден просить вас разъяснить мне термин, который вы употребили вчера. Я

Джейб Торенс.
«Орфей спускается в ад»

перерыл энциклопедии и словари, по так и не нашел слова «треффектировать». К стыду своему, я его не знаю». «Совершенно закономерно, что вы его не знаете, — ответил Смиранин, — этот термин придуман мною и означает — «утроенный эффект», в словарях вы его не встретите!». Спектакль имел огромный успех. В этой роли Анатолий Дмитриевич гримировал не только шею, но и руки. Режиссер оставил несколько смягченный вариант смерти Гидденса — тот не доползал до балкона, а умирал на лестнице, медленно оседая. Сцена медленно погружалась в темноту, и только рука, цеплявшаяся за перила, выделялась в свете прожектора.

Смиранин играл в нескольких постановках Георгия Александровича Товстоногова, в бытность его

режиссером Грибоедовского театра: в спектакле «Полководец Суворов» И. Бехтерева и А. Разумовского, в «Ленушке» Л. Леонова, в пьесе «Парень из нашего города» К. Симонова, в «Кремлевских курантах» Н. Погодина. В частности, премьера постановки «Кремлевские куранты» состоялась 5 ноября 1940 г. Анатолий Дмитриевич играл роль инженера Забелина. В газете «Заря Востока» Н. Новицкий пишет: «Очень сложный, очень колоритный образ инженера Забелина создал Смиранин. Инженер Забелин — злобствующий буржуазный специалист, увидевший в революции только хаос и разрушение...». И далее: «А. Смиранин играет эту роль, как бы сознательно воздвигая перед собой различные трудности. Тем ярче поэтому выглядят победы актера, когда он эти трудности преодолевает...».

АМЕРИКАНСКИЙ АДМИРАЛ

В 1951 году уже знакомый читателю Григорий Спектор окончил ГИТИС и ставил дипломный спектакль «За горизонтом» И. Гайдаенко и И. Беркуна на сцене Грибоедовского театра. Начинаящий режиссер был полон сомнений, одно он знал твердо: Анатолий Дмитриевич должен сыграть в этой постановке одну из центральных ролей

– адмирала Линга. Вкратце сюжет спектакля таков. Американское судно в годы холодной войны везет в Грецию оружие для монархистов фашистского толка. Море усеяно минными полями, оставшимися после войны: бывшие союзники умышленно не расчищают эти поля в ожидании новой войны. Корабль под флагом США подрывается на mine. Команде грозит гибель. Идущий на встречном курсе советский теплоход ловит сигнал бедствия и спешит на помощь американским морякам. Благодаря самоотверженным действиям советских моряков команда «Сан Леонарда» спасена. Оба капитана – американский и советский прошли войну и находят общий язык. Политики и магнаты, напротив, строят милитаристические планы. Адмирал Линг, роль которого предложили Смиранину, произносит фразу: «На пути из Америки в Европу подрываются суда на русских минах. Русские против плана Маршалла. Они, естественно, могут мешать нам любыми средствами». И далее: «Трудно множить миллионы и помахивать пальмой мира!». Смиранин прочитал пьесу и согласился играть «ястреба мира».

На первой репетиции начинающего режиссера забросали каверзными вопросами по морской тематике, особенно старался Анатолий Дмитриевич, который не только задавал вопросы, но и старательно записывал ответы в тетрадку. Поскольку Григорий Спектор пришел подготовленный, экзамен он вы-

держал. Далее проблем с народным артистом республики у него не было, Григорий Спектор пишет: «Работал Анатолий Дмитриевич потрясающе. Он прислушивался к каждому замечанию или совету, но принимал далеко не все. Как бы пропускал через себя. А если я предлагал что-нибудь удачное, то, кивнув и коротко хохотнув, немедленно пробовал мои «находки» в действии. Почти все, что он предлагал по ходу репетиций, было логично и убедительно, и я охотно включал это в рисунок сцены. Анатолий Дмитриевич чрезвычайно требовательно и ответственно относился к внешнему виду своего персонажа. Когда я с сомнением отнесся к выбранному им парикю, то он на следующий день принес несколько сделанных им рисунков с вариантами прически, а также множество журналов с фотографиями военных моряков. После очень дотошного просмотра всех этих материалов и, конечно, эскиза нашей замечательной художницы Ирины Штенберг, мы, наконец, выбрали окончательный вариант. По сохранившимся фотографиям А. Смиранина в роли адмирала в «За горизонтом» можно, кажется, даже судить о внутреннем мире его персонажа. Премьера прошла с очень большим успехом, даже несколько неожиданным. Спектакль играли по тем временам довольно много раз. Полтора месяца нашей совместной работы остались в памяти, как одни из самых счастливых в моей жизни».

Сцена из спектакля «Великий Моурави»

В МОСКВУ – ХЕВИСБЕРИ!

Грибоедовский театр для декады искусства Грузии в Москве, которая проходила весной 1958 года, загодя принялся отбирать репертуар – надо было остановиться на трех пьесах. Наконец, были отобраны «Киквидзе» Дараселия и «Расточитель» Лескова. Смиранин рекомендовал взять еще грузинскую пьесу «Хевисбери Гоча» А. Казбеги, и настоял на своем. Ставить спектакль взялся Додо Антадзе. Решив, что Смиранин так добивается этой постановки, желая сыграть заглавную роль старейши-

ны-хевисбери, Антадзе предлагает ее Анатолию Дмитриевичу. Но к его удивлению Смиранин отказывается, заявив, что есть прямой исполнитель этой роли – артист Ермилов, а сам он может сыграть эпизодическую роль из окружения Гочи – Хацу.

Для поездки на декаду в Москву, специально пишется пьеса в стихах о Грибоедове «Пламенный мечтатель» Михаила Мревлишвили – в переводе с грузинского Н.П. Кончаловской. Остроумная и обаятельная Наталья Петровна Кончаловская покорила всех участников спектакля. Постановку осуществил Ефим Бриль, художник – И. Штенберг, А.С. Грибоедова сыграл народный артист Грузии Юрий Шевчук, Смиранин – шаха Ирана.

ИЗ СЕМЕЙНЫХ ХРОНИК

В прошлом веке не принято было давать интервью на личные темы, тем более делиться интимными подробностями. Благодаря рассказам членов семьи Смираниных, мы можем сегодня восстановить некоторые события семейной жизни Анатолия Дмитриевича. Из Ростова-на-Дону он приехал в Тбилиси вместе со своей женой Екатериной Петровной Арычевой (Близнюковой). Однако после смерти маленькой дочери их семейная жизнь дала трещину. Вскоре супруги расстались, и поскольку, Екатерина Петровна не видела для себя перспектив в тбилисском театре, она решила переехать на Северный Кавказ. Долгие годы Арычева работала в драматическом театре Владикавказа, в те годы – Орджоникидзе. Ее родная сестра Софья Петровна Близнюковская (Близнюкова) была замужем за популярным артистом Николаем Павловичем Смирновым-Сокольским, основателем Московского театра эстрады. Кроме того, он был известным библиофилом. Уникальная коллекция первых и прижизненных изданий русских классиков, альманахов, рукописных сборников, рисунков XVIII-XX веков (более 19000 томов) этого «рыцаря книги» была завещана Российской государственной библиотеке (бывшей Ленинке).

История второй его женитьбы такова: после шумного успеха спектакля «Провинциальная история», Смиранина в 1938 году приглашают в качестве режиссера в Тбилисский русский ТЮЗ, где он ставит народную грузинскую сказку – «Нацаркекия». Исполнительница роли Нацаркекия – Софья Михайловна Гутманович (к слову, мама знаменитого постановщика «Бенефисов» на ЦТ – Евгения Гинзбурга) рассказывала, как «тюзовцы» бегали на спектакли, в которых играл Смиранин, чтобы вновь и вновь увидеть непревзойденное мастерство артиста. В ТЮЗе Анатолий Дмитриевич сумел создать на каждой репетиции атмосферу праздника, он призывал актеров к импровизации, легкости, творчеству. В этой обстановке всеобщего радостного возбуждения он обратил внимание на молоденькую актрису Нину Андроникашвили, которой Смиранин скоро сделал предложение руки и сердца. Впоследствии он убедил ее оставить сцену и поступить в институт иностранных языков, на английское отделение. В 1939 году скончался брат Нины – Александр Андроникашвили, а через полгода и его жена. Две племянницы – восьмилетняя Тамара и двухлетняя Инесса остались круглыми сиротами, и родителей им заменили Нина и Анатолий Дмитриевич. В голодные военные годы, Смиранин охотился не ради азарта, а чтобы добыть для семьи дичь, подкормить детей – утка на обед становилась настоящим пиршеством. После войны Анатолий Дмитриевич

Елена Пирумова-Смиранина

перевез в Тбилиси свою маму – Евдокию Степановну. К сожалению, идиллия большой и дружной семьи продолжалась недолго. Ушли из жизни старики, Ниночка скончалась от онкологии, Тamarочка умерла совсем юной. Вторая сестра Инесса вышла замуж за неизвестного в то время художника, а впоследствии прославившегося на весь мир Зураба Константиновича Церетели, с которым у Смираниных сохранились до сих пор теплые, родственные отношения.

Смиранин женится в третий раз, когда ему чуть за шестьдесят, а его избранница моложе почти на тридцать лет. Вначале он сам не верит в возможность счастья, но перестал сдерживать порывы души во время

гастролей театра по приморским городам Грузии. Влюбленные гуляли вечерами, и сохранившему стройность перемахнуть через полутораметровый забор, чтобы с мальчишечьим озорством нарвать цветы для своей дамы. Он умел красиво ухаживать! Умная, красивая, прекрасно воспитанная и образованная девушка из семьи педагогов стала для артиста надежной спутницей и другом. Они понимали друг друга с полуслова, у них были одинаковые жизненные ценности. Родители Леночки познакомились еще в пору своего студенчества в дореволюционной Одессе. Ее будущий отец, окончив университет, преподавал физику и астрономию, а мама получила образование на Высших женских курсах и вела уроки биологии и химии. В Тбилиси, на родину деда, семья вернулась из Украины в 1922 году, спасаясь от голода. Пирумовы обосновались в Сололаки на улице Вознесения (бывшей Давиташвили), Леночка появилась на свет в 1926 году, окончила 43-ю тбилисскую школу, в старших классах посещала студию Дворца пионеров, в которой вел занятия молодой Георгий Товстоногов. В годы войны Елена выступала в составе шефских бригад в госпиталях Тбилиси. И на всю жизнь запомнила, как по щекам раненых текли слезы, когда она читала «Жди меня» Симоннова. Эти впечатления укрепили в ней веру в силу искусства, и желание посвятить жизнь театру. В 1945 году Елена стала студенткой филфака ТГУ, однако через год при те-

атре Грибоедова открылась студия, и она предпочла театральный курс университетскому диплому. Окончив студию, уехала в Москву и была принята по конкурсу в Московский театр транспорта, впоследствии переименованном в театр им. Н.В. Гоголя. Но из-за тяжелой болезни матери была вынуждена вернуться в Тбилиси. С 1951 года Елена Сергеевна – на сцене театра им. А.С. Грибоедова. В 1955 году в семье Смираниных появляется наследник. Анатолий Дмитриевич, ставший отцом в 63 года, был безмерно горд и счастлив. Ему хотелось, чтобы малыш рос, как сказочный богатырь, и, подбирая ему имя былинное, он никак не мог выбрать между Святополком, Яромиром, Мирославом. «Наконец, бабушка потеряла терпение и спросила: «Может, назовем Анатолием, в честь папы?». Против этого он возражать не стал», – рассказывает Анатолий Анатольевич и продолжает, – «когда родился мой сын, не было сомнений, что это – Анатолий-третий. Он оправдал имя, а главное фамилию, став актером. Однако, когда я сам стал дедушкой, то Анатолий-третий сказал, что еще с одним Анатолием будет перебор. Мальчика назвали Артемием. А через два года у него родился младший брат Арсений. Но следует отметить, что первой в семье Анатолия-третьего родилась дочка – Анастасия. Все имена правнуков Анатолия Дмитриевича начинаются с первой буквы алфавита – в этом тоже заложен определенный символ».

«ДИДИ РУСИ» И ЕГО ЭДЕМ

«Помню на сцене отца только в одной постановке – «Орфей спускается в ад». Мне запомнилось, что папа был в страшном гриме. Он много работал. В 69 лет погружался на съемках «Человека-амфибии» с горящими факелами, что было очень опасно, но никаких дублеров потомственный моряк не признавал. Меня тоже повезли в Одессу на съемки,

Анатолий Смиранин с сыном

но в памяти осталось, как я сопротивлялся и орал: – «Не хочу быть черномазым!», когда меня вымазали целебной грязью на лимане», – вспоминает Анатолий Анатольевич. По его словам, отец уделял ему достаточно внимания, но в первую очередь Смиранин-старший был человеком театра, жил им. Хотя находил время для своих увлечений. Самым большим – было обустройство дачного сада.

– Папа купил скалистый участок с полузаброшенным домиком у писателя Шалвы Дадиани в 1945 году в Верхнем Багеби. В начале 60-х эту деревеньку поглотил город. Лет пятнадцать ушло на каторжный труд: народный артист республики, которым отец стал в 1946 году, на

Правитель Грузии. «Путешествие в три времени»

**Полковник Бридо.
«Провинциальная история»**

выжженном склоне горы вырубал киркой террасы, отвоевывая место для растений, завозил плодородную почву и сажал свой Сад. Я не могу назвать ни одного фруктового дерева, за исключением тропических, которого там не было! Какие были яблоки, сливы, айва! Я рос в настоящем эдемском саду! Мама просила собрать фрукты, я лазал по деревьям с корзиной, но большую часть плодов отправлял прямо в рот, – рассказывает Анатолий Анатольевич.

Дача Смиранина – это причудливой формы дом, стоящий на склоне горы. В единственную комнату верхнего этажа, разделенную на две половинки легкими перегородками, можно было попасть с верхней части склона, а в нижнюю через веранду по склону ниже. Самыми любимыми местами маленького Анатолия была

винтовая деревянная лестница и большой крытый балкон, откуда открывался вид на горы и город. Большой грецкий орех рос перед домом. Во время ртвели собирали виноград трех сортов; Смиранин делал хорошее вино, у него был свой пресс, марани. Соседи-крестьяне почтительно называли Анатолия Дмитриевича – «Диди руси!» (Большой русский). «Отец любил общаться с людьми. И был одинаково приветлив со всеми, умел найти общий язык и с крестьянами, и с высокими начальниками. Его уважали, признавая в нем внутреннюю силу и достоинство. Он был – аристократом духа», – говорит сын артиста.

Кроме того, в Грузии Смиранин стал своим человеком благодаря ролям, в которых блеснул пониманием национального грузинского характера, южного темперамента. В первый раз в образе героя-грузина Матиэлу Смиранин появляется на сцене Грибоедовского театра в сезон 1939-1940 гг. на премьере «Из искры» Шалвы Дадиани. Исполнение Смиранина заслужило одобрение автора. Большим успехом было отмечено исполнение роли Георгия Саакадзе в постановке «Великий Моурави». Когда в пьесе Владимира Соловьева «Фельдмаршал Кутузов» Смиранин появлялся на сцене в образе Багратиона, зал взрывался аплодисментами – настолько разительно было его сходство с полководцем. Органично смотрелся артист в постановках грузинских авторов – Шалвы Дадиани, Вакели, Григола Абашидзе, Отара Чиджавадзе.

Интересно отметить, что в пьесе «Филумена Мартурана» Эдуардо Де Филиппо Смиранин настолько блистательно сыграл роль синьора Домениго Сориано, что спустя десять лет, когда на экраны вышел культовый фильм «Брак по-итальянски» с Марчелло Мастоаянни, к Анатолию Дмитриевичу подходили на проспекте Руставели незнакомые люди и говорили, что помнят, как он играл эту роль и отдадут ему свое предпочтение.

«Смиранин органически вписался в театральную жизнь Тбилиси. Им восторгались, им восхищались, его любили, более того, он стал своим. Каждая роль захватывала его сполна, иначе он не умел работать. Он отдавал всего себя театру, и эта художественная щедрость придавала особую привлекательность его образам», – пишет о Смиранине театральный критик Елена Шапатава.

Фет-Али шах. «Пламенный мечтатель»

БЛИЖНИЙ КРУГ

Сын и внук Смиранина достигли на сцене и в кино значительных успехов, их карьерный рост продолжается и сегодня. Однако, несмотря на все творческие достижения, внутренним камертоном для представителей нового поколения является творчество Анатолия Дмитриевича. Анатолий Анатольевич рассказывает, что очень долго собирался поехать на родину отца в Одессу, где побывал только в шестилетнем возрасте на съемках «Человека-амфибия». «Во второй раз я попал в Одессу сравнительно недавно. Театр «Сфера», в котором служит мой сын, ехал на гастроли в 2006 году, и я решил, что будет хорошо вдвоем побывать в городе детства и юности

Грибоедовцы на гастролях. 1954 г.

Анатолия Дмитриевича», – говорит Анатолий Анатольевич. – «По адресам на конвертах нашел два дома, где жила семья отца. Побывал в гимназии номер 5. В здании теперь какой-то институт, все было в строительных лесах, но я вошел вовнутрь, увидел мраморную лестницу со щербатыми ступенями, по которой бегал мальчиком мой отец. Чувство было необычайно сильное».

На вопрос о ближнем круге Смиранина-старшего, его сын ответил: «Анатолий Дмитриевич не был замкнутым. Он ценил людей, однако круг общения был у него избранным. Надо понимать, что папа был из Одессы, но не из того развеселого «юморного» города, каким его рисуют сегодня. В детстве отца Одесса была одним из самых крупных культурных центров России. Конечно, население старой Одессы представляло собой сплав народов, были в ней и биндюжники, и трактиры, и шаланды, и контрабандисты. Но был и цветущий город со сложившимся европейским стилем и большими традициями. Отец мой – представитель одесской интеллигенции, с хорошим образованием и большой внутренней культурой».

В Тбилиси семьями дружили с Еленой (Лялей) и Сергеем Абашидзе. Ляля (урожденная Свирибеева) была крестной матерью Толика, она не была связана с театром. В ближний круг Смираниных входили люди творческие: Отар Иванович Чиджавадзе, писатель и драматург, с которым Анатолий Дмитриевич часто общался, обсуждая разные

С женой и сыном. Январь 1959 г.

темы. Фотохудожник Давид (Додик) Давыдов, многие спектакли театра Грибоедова сохранились, благодаря его фотолетописям. Жил он в комнатухе, заваленной книгами и кассетами пленок, рядом с нижней станцией канатной дороги на проспекте Руставели. Иван Сергеевич Гвинчидзе, актер, режиссер, а впоследствии директор Тбилисского цирка. Походы «к Ванечке на работу» очень нравились Анатолию в детстве, представление смотрели из директорской ложи, а потом шли за кулисы цирка, где ноздри наполнялись звериными запахами. В начале 60-х годов Смиранин много общался с кинорежиссером Резо Чхеидзе. Анатолий-второй вспоминает: «Мне рассказывали, (это не со слов папы), что Анатолий Дмитриевич должен был сниматься в эпизоде фильма «Отец солдата» в роли старого не-

мецкого фермера, а мне предстояло сыграть его внука. В немецкой деревне герой Серго Закариадзе преграждает танку путь, защищая лозу винограда. К сожалению, эпизод переосмыслили и сняли по-другому. Мне до сих пор обидно не то, что не состоялся мой дебют в 1964 году, а то, что не снялся вместе с отцом!».

Частым гостем в доме Смираниных был Абрам Исаакович Рубин, режиссер театра Грибоедова с 30-х годов, ученик Мейерхольда. «Они с папой иногда играли в шахматы и много говорили о театре», – говорит Анатолий Анатольевич, сожалея, что был слишком юн, чтобы понять и запомнить их беседы. «Папа переписывался с Надеждой Ивановной Слоновой и ее мужем Петровским. С ней и ее отцом папа работал в конце 20-х годов. Продолжалась дружба с ростовским артистом Василием

КИНОРОЛИ АНАТОЛИЯ СМИРАНИНА

Кадр из фильма «Человек-амфибия»

Кулагиным, таким же страстным охотником, как и мой отец. Конечно, не все друзья попали в круг моего детского и подросткового внимания, приношу извинение тем семьям и людям, которых не упомянул», – подводит итог рассказу о друзьях семьи Анатолий Анатольевич.

ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ

Немые фильмы с участием Анатолия Дмитриевича не дошли до наших дней. В советское время его в основном приглашали на фактурные роли – аристократов и офицеров. В исторической картине «Давид Гурамишвили» (1946) Смиранин сыграл короля Пруссии Фридриха II, в фильме «Я – черно-морец» (1944) – немецкого майора,

в ленте «Лично известен» (1957) – царского наместника. В фильме «Малахов курган» (1944) читал текст от автора, в «Робинзоне Крузо» (1946) ему досталась роль отца Робинзона. В картине «Генерал и маргаритки» (1964) снялся в роли сотрудника военного архива, а в «Игре без ничьей» – профессора Бернарда. Современному кинозрителю Смиранин запомнился в основном в роли нищего индейца Бальтазара, отца красавицы Гуттиэре в красочной ленте «Человек-амфибия». Премьера состоялась в декабре 1961 года, фильм вышел на экраны страны в начале января 1962, а к концу того же года картина стала лидером проката, ее посмотрели 65 миллионов советских зрителей. Картина, поставленная на студии «Ленфильм» режиссерами В. Чеботаревым и Г. Казанским по роману Александра Беляева,

спустя шестьдесят лет смотрится с огромным интересом. А в годы оттепели фильм стал не просто хитом, а окном в запретную «заграницу» – с бaramи, танцами, белыми шортами, необычным дизайном и конечно, красотами подводного мира. Молодежь, подражая Нонне Сухановой, горланила: «Нам бы, нам бы, всем на дно» – песню о «морском дьяволе», написанную Андреем Петровым в ритме джаза. Девочки поголовно были влюблены в Ихтиандра – Владимира Коренева, мальчишки – в Гуттиэре – Анастасию Вертинскую, и все дружно ненавидели алчного Педро Зурита в исполнении красавца Михаила Казакова. Но ни роковые страсти, ни голубизна подводной бездны, ни участие в картине народного артиста Николая Симонова, исполнителя роли Петра Великого в одноименном фильме, не смогли затмить Анатолия Смиранина в роли старого ловца жемчуга Бальтазара. Непостижимым образом Смиранин сумел внушить симпатию к своему герою – опустившемуся пьянице со спутанными седыми волосами – жалкому и трагичному. Бальтазар поступает вопреки своей совести, находясь в кабале у хозяина. Он вынужден ставить сети у входа в подземный грот «морского дьявола», (напомним, что во время подводных съемок Смиранин, поддерживая репутацию потомственного моряка, работал без дублеров), уговаривает скрепя сердце дочь выйти замуж за «плохого» парня. Но в решающий момент Бальтазар,

пройдя через множество унижений и обид, восстает и убивает злодея. Герой Смиранина, всадив нож в грудь ненавистного зятя, не думает о своем спасении, он поднимает телефонную трубку и ровным голосом говорит полицейскому: «Приезжайте. Я убил человека». В этой фразе выражено столько боли и достоинства, что зал замирает в мертвой тишине. Высказать одной репликой все клочущие страсти героя, пролившего кровь, но вернувшего свою честь, показать истинную суть старого индейца, для которого убитый им негодяй является в первую очередь «человеком», мог только подлинный мастер, актер огромного таланта и опыта.

«Мои родители служили Театру, оставаясь преданными ему романтиками. Романтикам в реальной жизни всегда непросто, а в советском театре второй половины двадцатого века было особенно трудно. Мне до сих пор больно за отца, которого тогдашнее руководство театра в 1962 году за десять дней до его семидесятилетия «отпустило» на пенсию, предварительно рассказав, что иначе «придется сокращать молодежь», «а вы на пенсии будете востребованы в театре». И артист ушел на пенсию на пике популярности, после выхода на экраны страны фильма «Человек-амфибия». Он доигрывал в старых спектаклях и не будучи занят в новых постановках безумно тосковал по сцене. Напомнить о себе не позволял характер. Было несколько небольших работ в середине шестидесятых на «Грузия-

фильм». Закономерно, что последнюю роль отец сыграл на сцене театра Руставели в драме Реваза Табукашвили «Димбургские колокола» в постановке Г. Кавтарадзе. Пьеса была посвящена восстанию грузинских легионеров на голландском острове Тексел в апреле 1945 года. Отец играл стражника, говорящего на ломаном русском языке. Гоги Кавтарадзе был очень признателен, что народный артист принял участие в его дипломном спектакле. Кстати, не в правилах Смиранина было отказывать молодым режиссерам, если он видел, что материал интересный, а у дебютанта истинный творческий подход к работе. Но все это не соответствовало масштабу личности и артиста. У него были силы, ему хотелось работать, а вместо этого приходилось сидеть в четырех стенах. Неслучайно незадолго до смерти он сказал маме фразу: «Лена, они отняли у меня десять лет жизни, что я не в театре. Когда меня не станет, прибавь к этому десять лет, которые я бы мог прожить!», – говорил Анатолий Анатольевич.

«Судьба Елены Сергеевны Пирумовой сложилась в театре не менее сложно. Острая характерная актриса, что видно было по целому ряду сыгранных в разные годы ролей: Фатима-ханум – «Глубокая разведка», Цацана – «Во дворе злая собака», Настасья – «Преступление и наказание», Кончетта Мелле – «Утешитель вдов», – актриса, в которую она превратилась в зрелом возрасте, не всегда была

Елена Пирумова-Смиранина в роли Фатимы-ханум. «Глубокая разведка»

востребована. Даже полученное перед уходом на пенсию звание заслуженной артистки ГССР было слабым утешением. Артисту нужны роли! Зная жизнь театра изнутри, не имея особых «бойцовских качеств», я все-таки стал артистом», – рассказывает сын Смиранина.

«Внезапная для нас с мамой, смерть папы в феврале 1971 года, когда я учился еще в девятом классе, стала настоящим потрясением. Полностью изменила мою жизнь. Несмотря на почтенный возраст отца, никто не помнил, чтобы он серьезно болел. И те слова, что были сказаны о великом артисте на похоронах, в некрологах, на творческом вечере его памяти в выступлениях многих деятелей грузинского театра Гиги Лордкипанидзе, Додо Алексидзе, великой Верико Анджапаридзе откладывались в моем сознании, а скорее в подсознании, и в моем сердце. Я впервые понял, что надо становиться взрослым и выбрать профессию», – рассказывает Анатолий Анатольевич.

ГАМЛЕТОВСКИЙ ВОПРОС

Анатолий Анатольевич, второй представитель актерской династии Смираниных о родине говорит не иначе, как с чувством огромной любви. Рассказ о своей жизни он начинает словами: «Родился в благословенном Тбилиси, 31 июля 1955 года». В студенческие годы ему импонировало, что он появился на свет в один день с выдающимся режиссером Робертом Стуруа. Предоставим слово Анатолию-второму:

«Мое детство прошло в Верийском квартале. Жили мы тогда в

**Анатолий Дмитриевич
с Анатолием-младшим**

доме N20, кв. 8, на углу улиц Ленина и Белинского (ныне М. Костава и Т. Човелидзе). Народный артист республики жил с женой и сыном в общежитии театра им. Грибоедова, под которое была отдана большая многокомнатная квартира в элитном доме. В «лучшие времена» в квартире проживало до семи семей. Мы занимали большую угловую комнату, разделенную «багдадками» на три помещения: темную прихожую, большую гостиную – она же спальня, она же кабинет отца, и мою маленькую детскую с окном на парк Кирова. Вся прелесть советского коммунального бытия с керосинками на общей кухне, а последствию тремя газовыми плитами, с очередями (особенно по утрам) в ванную и туалет я вкусил с избытком. Первые тринадцать лет моей жизни мы ждали обещанную государством квартиру, которую мои родители, не обученные давать взятки, получили после долгих мытарств только в 1968 году на проспекте Мира, 18 (Пекина).

Нашим соседом в коммуналке был Константин Владимирович Сурмава, ставший в середине 80-х главным режиссером театра имени Грибоедова. Для меня он навсегда остался – «дядей Котиком», а его жена «тетей Лианой». Их доченька Манана – моя ровесница, тоже – артистка. Мы поддерживаем с ней тонкую ниточку общения с помощью «Фейсбука». В детстве я часто переворачивал квартиру вверх дном вместе с Зуриком и Мишкой – сыновьями «дяди Арчила» – Арчила

В этом доме жила семья Смираниных в Тбилиси

Михайловича Гомиашвили. Всея ватагой мы иногда прорывалась в маленькую, заваленную мягкими игрушками комнатку, в которой жила молоденькая актриса Валечка Семина – впоследствии Валентина Михайловна, народная артистка ГССР. Самым близким другом моего отца был наш сосед – Константин Андреевич Добжинский, народный артист ГССР, начавший служить в Грибоедовском театре в 30-х годах. С ним были особые отношения, ведь он был моим крестным отцом. Помню, как они с папой ловили иногда «Голос Америки», прильнув к старому ламповому «Телефункену». Я часто бывал в аскетичной и прокуренной комнате дяди Кости. Жил он по-холостяцки. С женой он расстался давно, а с дочерью, которая жила в Новороссийске, он, видимо, не очень общался, я увидел ее только на его похоронах в 1966 году. Дядя

Костя, мой крестный, умер от рака и очень страдал перед смертью. Больницей и похоронами занимался мой папа. Внук Добжинского тоже стал актером – Андрей Болтнев много снимался в 80-х годах, он рано и внезапно ушел из жизни.

Остальные квартиры в нашем доме занимали генералы, писатели, поэты. Стены около подъезда сплошь покрыты мемориальными досками. Долгие годы там висела доска в память о моем отце. Но в середине девяностых годов мне сообщили, что доска с именем Смиранина исчезла. Опустив глаза, друзья пытались уверить меня, что это дело рук «охотников за цветным металлом». Видимо, она оказалась самая «металлическая» из всех! Театральное общество, которое установило в свое время эту доску, потерю, наверно, даже не заметило. Грустное время.

Окончил я тбилисскую 50-ю

Анатолий Анатольевич Смирнин в спектакле «Смуглая леди сонетов»

среднюю школ на улице Петриашвили. Школа примыкала к стене Первого винного завода. Запахи, которые проникали оттуда, мы оценили только в старших классах! На месте нашей школы теперь выстроено новое здание, но она остается в моей памяти. До пятого класса я был круглым отличником, а потом, видимо, устал от среднего образования. Девятый класс стал для меня тяжелым в связи со смертью папы, к окончанию школы я понял, что театр – это мое. На мое решение повлияли несколько факторов – театр всегда присутствовал в жизни, мне была знакома и праздничная его сторона и теневая, подсознательное желание продолжить дело отца, а также заряд энергетике, полученный от кумира нашего поколения – Владимира Высоцкого. В январе 1972 года мама повезла меня на зимние каникулы в Москву, конечно, главной целью поездки было посмотреть новые столичные постановки.

Вся Москва «гудела» о «Гамлете» с Высоцким на Таганке. Попастъ туда невозможно. Проблему решил Иван Михайлович Тарханов, педагог Высоцкого и мамин знакомый. При нас он звонит Высоцкому и просит провести на спектакль одного молодого человека. Высоцкий извинился, что посадить не сможет, так как забиты даже проходы между рядами. Но я – счастлив! Ждал даже не сам спектакль, а встречи с Ним, голос которого звучал с бобин магнитофонов в каждом доме. Стою в толпе у служебного входа. Мне надо прорваться, не упустить момент, крикнуть вовремя, когда Он появится: «Я от Ивана Михайловича!». Взвизгнули тормоза подъехавшей машины, толпа заколыхалась, и сквозь нее ледоколом двинулся Владимир Семенович. Вот Он поравнялся со мной, я выдал из себя хриплый писк с условным именем, он мгновенно среагировал, выдернув меня за плечо из толпы и пропихнув перед собой через проходную, бросив: «Этот со мной». Провел в пустое еще фойе. Хлопнув меня по плечу, Высоцкий посоветовал идти в зал и посидеть: «Настояться еще успеешь». Сидя в пустом зале старой Таганки, я смотрел на пустую сцену с могильной ямой впереди и кирпичной стеной в глубине сцены. Потом на эту сцену вышел Он, в черном гамлетовском свитере с гитарой. Подмигнул мне, одиноко сидящему в зале, уселся на пол, прислонившись к кирпичной стене в глубине сцены, начал перебирать струны. И было нас двое во всем мире. Нет, нас было трое! Мой

отец незримо присутствовал рядом. Тогда я не осознавал, что происходит в моем сознании, каким-то шестым чувством я ощутил ту необъяснимую силу, которую способен передавать Актер зрителю, ту власть, которой он обладает. Возможно, тогда я начал понимать, какая моральная ответственность за каждое слово лежит на плечах Артиста. Какой груз нес на себе все годы служения Театру мой отец. Мне хотелось запомнить эмоции, захватившие меня. Пройдут годы, и я попытаюсь восстановить свои чувства, найти связующее звено между ярким юношеским впечатлением и размышлениями о сути актерской профессии, передать эти мысли своим ученикам. А пока мир сфокусировался на темной сцене и фигуре Высоцком. Мне хотелось сидеть и слушать его вечно. Но открылись двери, и публика заполняла зал, всех безбилетных загнали на балкон. Он встал, вышел вперед и... началось! Весь спектакль я просто-ял на одной ноге, но почувствовал это только, когда все закончилось.

Сказочник. «Двенадцать месяцев»

Во второй раз я видел Высоцкого на сцене в Тбилиси, осенью 1979 года. А в июле 1980-го я стоял в Москве в молчаливой, скорбной толпе у театра, когда он проплыл на руках друзей перед своим зрителем, в том же костюме Гамлета. В ушах звучали строки: «Быть или не быть? – вот в чем вопрос! /Что благородней для души – терпеть/ Судьбы-обидчицы удары, стрелы/ Или, против моря бед вооружась,/ Покончить с ними?» – размышления, которые можно приписать душевным мукам каждого большого актера.

После школы я пытаюсь поступить и в «Щуку», и «Щепку», дохожу до конкурса, прохожу три тура. И не поступаю. В Тбилиси таскаю и монтирую декорации в телецентре, и на следующий год повторяю штурм московских вузов, с главным упором на ВГИК, где набирает группу Сергей Бондарчук. Читаю «Контрабандистов» Багрицкого, отрывок из Тургенева и басню Лафонтена. Видимо, за год я поднабрался опыта, потому что Ирина Скобцева, возглавлявшая приемную комиссию, с первого тура направляет меня сразу на третий. Опытные абитуриенты говорили: «Ну, с тобой все решено!». Но в тот год партия и правительство пожурили кинематографистов за то, что на экранах не видно русских богатырей, и Бондарчук, продлив время набора, кинулся в Сибирь искать рослых парней с былинной внешностью. Все это я узнал значительно позже, когда был отсеян на конкурсе – на богатыря я не тянул. Наборы в другие школы окончились, и впе-

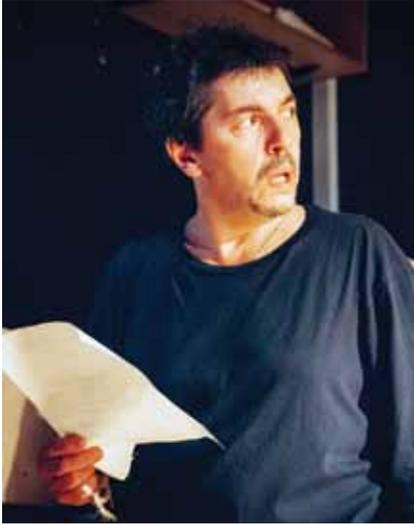
реди «светила» армия. Я вернулся в Тбилиси, снова таскал декорации в телецентре, а весной 1974 года случайно узнал о наборе в Грузинский государственный театральный институт им. Ш. Руставели в целевую группу для Тбилисского русского ТЮЗа и решил поступать туда. И ни разу не пожалел о своем выборе. Набирал нашу группу и руководил курсом все четыре года замечательный режиссер и педагог Рэм Давидович Шаптошвили. После «чужой» Москвы, в Тбилиси все было как-то очень «по-домашнему» тепло, наши преподаватели вкладывали в занятия столько знаний и энтузиазма, что привили мне любовь к учебе. После окончания института мы продолжали общаться, я с огромным уважением и любовью вспоминаю своих наставников. К третьему курсу я получил именную стипендию имени Ахметели и понял, что на знани-

ях можно неплохо «зарабатывать». На четвертом курсе стал ленинским стипендиатом, что означало 100 рублей в месяц, и утвердился в своем открытии. В конце третьего курса мы впервые сыграли на профессиональной сцене ТЮЗа. Причем не в массовке. Я играл Генку Голикова в спектакль по повести Тендрякова «Ночь после выпуска» в постановке артиста ТЮЗа Евгения Леоновича Басилашвили. Премьера прошла 20 июня 1977 года. Это – точка отсчета. Четыре года в стенах театрального института пролетели быстро, но это самые замечательные и удивительные годы моей жизни. В институте я обрел не только профессию, но и свою судьбу – свою однокурсницу Каринку Амирханову, которая подарила мне сына Анатолия Смиранина-третьего, и с которой мы вместе прожили более тридцать лет, растим внуков, и до сих пор нас связывает очень многое!

Чубуков. «Предложение»

Наш выпускной спектакль в институте был «Реквием по монахине» Альбера Камю. С февраля 1978 года вся наша группа была уже принята в ТЮЗ. И меня привлекают к постановке спектакля-сказки «Погляди-ка кто кого» Милевой-Даковской в рамках Всесоюзного фестиваля болгарской драматургии в СССР. С одной стороны – центральная роль. Но – в сказке. После Камю это кажется комичным. Однако выяснилось, что играть в сказке не так уж просто. Спектакль получился музыкальный, красочный, шел на одном дыхании. По две рубашки я менял на представлении! Постановщик – главный

**Фауст. «Нечеловеческая трагедия
доктора Фауста»**

режиссер Софийского молодежного театра Лилиана Тодорова добилась от нас полной отдачи. На премьере присутствовали члены отборочной комиссии фестиваля из Москвы и Софии. Итоги форума подводились в Москве. И вот в зале ВТО Михаил Царев вручает дипломы лауреатам фестиваля. Слышу свою фамилию и слова «за исполнение центральной роли в спектакле...». Каким-то образом поднимаюсь на сцену. Царев вручает диплом и пожимает руку. Иду, как в тумане, и слышу из рядов: «Тбилиси. Русский ТЮЗ!». Вижу, как аплодирует Сандро Товстоногов, который в то время руководил театром имени Грибоедова. Он получил диплом как режиссер-постановщик своего спектакля. С тех пор прошло сорок лет – за эти годы я служил в разных московских театрах, много

лет веду преподавательскую работу. Участвую в различных проектах. Одним словом, сорок лет – живу Театром».

Анатолий Анатольевич после окончания Тбилисского театрального института в 1978 три года проработал в Тбилисском ТЮЗе. Затем, с 1981 по 1988 гг. (с перерывом) – в театре им. Грибоедова. В 1984 году окончил Высшие театральные курсы при ГИТИСе по специальности «режиссер-постановщик драматического театра». С 1988 года живет в Москве. Работал в театре-студии «Время». Сотрудничал с театром «У камина», участвуя в различных проектах основателя и художественного руководителя театра, заслуженного деятеля искусств РФ Анны Макагон. Анатолий Смиранин принимает участие в постановках Театра литературной импровизации, основанном в 2009 году режиссером Сергеем Телековским. Анатолий Смиранин второй успешно занимается преподавательской деятельностью. В его актерском послужном списке роли из репертуара мировой классики и современной драматургии. В начале карьеры А.А. Смиранин играл в пьесах Островского «Доходное место» (Василий Жадов) и «Снегурочка» (Мизгирь). В театре имени Грибоедова: Долгов – «Синие кони на красной траве» М. Шатрова, Виктор – «Дорогая Елена Сергеевна» Л. Разумовской, Поло – «Человек, который платит» Ива Жамиака, Иван – «Завтрак с неизвестными» Дозорцева. Из числа московских работ следует отметить сыгранные им

роли: Адам Фюме – «Немая жена» А. Франс, Шекспир – в лирической комедии Бернарда Шоу «Смуглая леди сонетов», Марсель – «Счастливого Рождества» П. Барийе, Жан-Пьер Греди, Доктор Ранк – «Кукольный дом» Г. Ибсена, Степан Степанович Чубуков – «Предложение» А. Чехова, доктор Фауст – «Нечеловеческая трагедия» по драме Гете «Фауст».

Даже краткий перечень ролей дает представление о том, что Анатолий Смиранин-второй тяготеет к театру интеллектуальному и психологическому. Яркие образы, созданные актером, в постановках талантливых режиссеров оставили заметный след в театральной жизни Тбилиси и Москвы.

«СФЕРА» АНАТОЛИЯ ТРЕТЬЕГО

Анатолий Анатольевич Смиранин III с большой долей юмора воспринимает, когда его представляют по всей форме, говорит, что чувствует себя по меньшей мере бароном. Но гордость – быть представителем известной актерской фамилии – перевешивает все другие чувства. Своему карьерному росту он обязан актерским генам и собственному таланту.

Анатолий-третий родился трид-

Анатолий Смиранин-третий в спектакле «Набала святош»

цатого октября семьдесят девятого года в Москве, в школе проявил себя способным программистом, поступил после получения аттестата зрелости в Московский географо-картографический институт, но тяга к творчеству одержала верх – он стал студентом театрального института им. Щепкина. Без малого двадцать лет служит в Московском театре «Сфера». Этот успешный московский театр был основан в 1981 году народной артисткой Российской Федерации, режиссером Екатериной Ильиничной Еланской, которая возглавляла коллектив до самой смерти в 2013 году. Ныне главным режиссером является Александр Коршунов, сын Екатерины Еланской и народного артиста СССР Виктора Коршунова. Расположен театр «Сфера» в саду «Эрмитаж», где в 1898 году состоялось открытие МХАТа, где выступали Ермолова и Комиссаржевская, пели Шаляпин и Собинов, где

в начале 20-х годов прошлого века действовали многие московские труппы, в том числе театр Корша, а затем театр МГСФС (переименованный в театр Моссовета), в котором работал Смиранин-старший. При создании театра «Сфера» его главная творческая идея была озвучена следующим образом: «Мы отвергаем принцип театра куба со снятой стенкой и подглядыванием – мы утверждаем принцип сферы общения». Зал театра представляет собой круговой амфитеатр с центральной сценой и подвижными площадками внутри него. До того, как театр получил собственное, столь необычное здание, представления шли на сцене Концертного зала им. П.И. Чайковского, где в архитектурной форме воплотилась идея Вс. Мейерхольда объединить в полусферу амфитеатр зрительного зала и сцену. Екатерина Еланская привлекала к своим новаторским постановкам актеров ведущих театров, в ее спектаклях играли: Г. Тараторкин, А. Калягин, Г. Бурков, Л. Толмачева, А. Лазарев, Г. Бортников, М. Козаков, Е. Васильева, Е. Симонова и многие другие. Словом, цвет московского театрального сообщества – молодым актером попасть в театр такого уровня было весьма престижно. И Смиранин третий стал одним из избранных.

Среди многочисленных работ Анатолия-младшего за годы работы в «Сфере» можно выделить: Орас и Федерик – «Приглашение в замок» Жана Ануя, Дон Хуан Те-норьо – «Дон Хуан» Г. Фигейреду, Разин – «Я пришел дать вам волю»

В. Шукшина, Сент-Экс – «Исповедь розы» Консуэлла де Сент-Экзюпери, Мебиус – «Честный аферист» В. Газенклевера, Людовик XIV – «Кабала святош» М. Булгакова, Платонов – «Безотцовщина» А.Чехова, Владимир – «Старший сын» А. Вампилова, Валентин Селищев – «Затейник» В. Розова, Петр Петрович Гарин – «Гиперболоид инженера Гарина» по А. Толстому и др. Принимал участие и в ряде антрепризных спектаклей: Кузьма – «Сказки старого Арбата», Джим О'Коннор – «Стеклозвончик» Т. Уильямса, Аноп – «Ханума» А. Цагарели.

Широкому зрителю артист знаком по сериалам «Две судьбы», «Я не вернусь», «Золотые парни», «Две стороны одной Анны», по художественному фильму «Дом Солнца» – режиссер Гарик Сукачев. Анатолий Смиранин-третий снялся в семнадцати художественных фильмах. Одна из последних его работ – роль частного детектива в остросюжет-

Степан Разин. «Я пришел дать вам волю»

Анатолий Смирнин в роли Дона Хуана

ном фильме «Отель». Актер обладает прекрасными физическими данными и широкими творческими возможностями. К счастью, внук не испытывает проблем с доставшейся ему по наследству «непролетарской внешностью», из-за которой его деду доставались роли царских наместников, немецких майоров и прочих «чуждых элементов». В настоящее время кардинально изменились идеологические установки и стереотипы – красивая и благородная внешность перестала быть для актера «каиновой печатью». И если в кинематографе, который до сих пор не в полную силу использует творческий потенциал артиста, и существует понятие типажа, то на подмостках родного театра «Сфера» у одного из ведущих актеров труппы, Анатолия Смирнина-третьего, преград для творческого поиска нет.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В анналах семейных хроник спектакль театра «Сфера» «Исповедь розы» по книге Консуэло Сент-Экзюпери «Воспоминания розы» (2008) памятен тем, что в представлении участвовали Анатолий Смирнин-третий, его жена Алла и шестилетняя дочка Настя. Анастасии уже восемнадцать лет, но пока она не определилась с выбором профессии. В семье подрастают сыновья – Артемий и Арсений. Как сложится судьба молодого поколения Смирниных, покажет будущее. В любом случае, есть надежда, что творческая династия может иметь достойное продолжение. Так что точку в рассказе о нескольких поколениях актеров Смирниных ставить никаким образом не следует. Лучше пожелать молодежи найти свое призвание, а сыну и внуку Анатолия Дмитриевича новых ролей, новых успехов и гастролей в Тбилиси, в родном для них городе, где Смирниных помнят и любят.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	5
<i>ЕЛЕНА ПИРУМОВА-СМИРАНИНА</i> <i>АКТ ПЕРВЫЙ</i> ПОД ПАРУСОМ ПАМЯТИ	7
<i>ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ</i> <i>АКТ ВТОРОЙ</i> ТБИЛИССКАЯ ГАВАНЬ	34
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	74

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეშარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მათე საუკუნეში იღებს – უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად – „გრუზინი“, ახლა – ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით – მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ – რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

При поддержке фонда **«Русский мир»**

ЕЛЕНА ПИРУМОВА-СМИРАНИНА
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
БЛАГОРОДНЫЙ РОМАНТИК
АНАТОЛИЙ СМИРАНИН

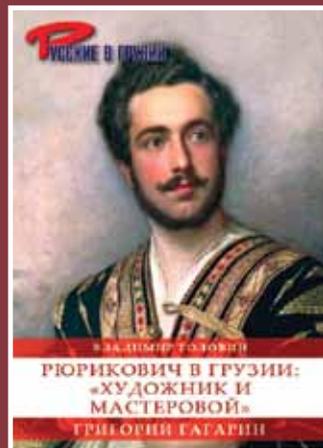
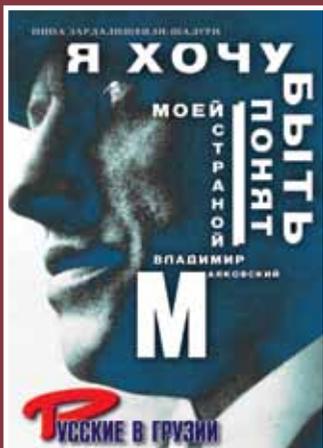
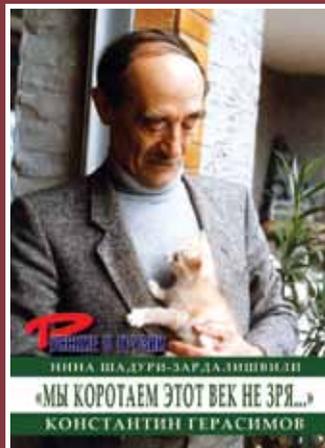
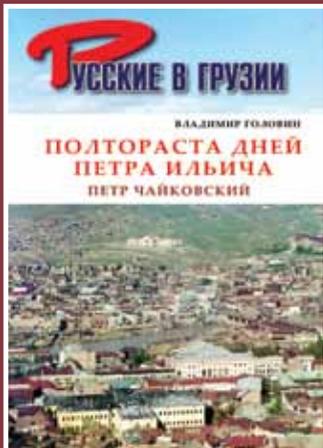
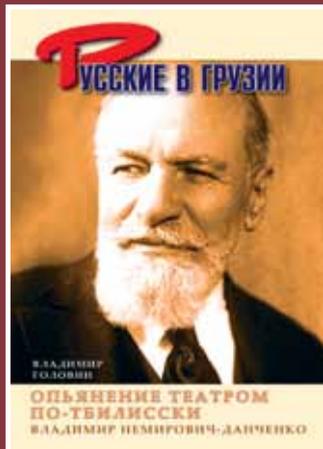
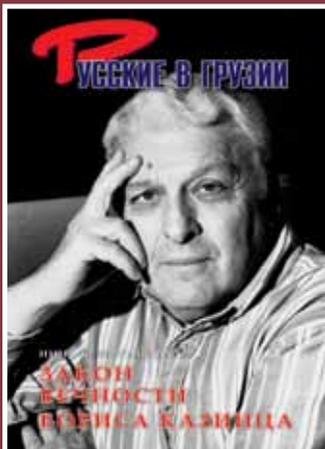
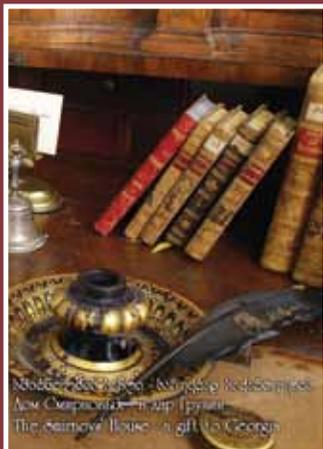
Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

Использованы фотографии из личного архива семьи Смираниных, музея театра
им. А.С. Грибоедова,
а также из открытого доступа в интернете

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

Елена Сергеевна Пирумова-Смиранина, заслуженная артистка ГССР. Воспоминания Анатолия Дмитриевича Смиранина, записанные его супругой, любезно предоставлены для публикации сыном Анатолиевичем Смираниным. Публикуются впервые.

Ирина Владиславская – родилась и живет в Тбилиси. Окончила отделение журналистики Тбилисского государственного университета. Заведовала отделом республиканской газеты «Молодежь Грузии». Редактировала различные издания, работала в ряде независимых информационных агентств, в грузинском отделении Международной неправительственной телекомпании «Internews». Являлась главным редактором еженедельника «Тбилисская неделя».

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

